ТРУДОВАЯ ГРУППА.

ЗЕМЛЯ—ДЛЯ ВСЕГО НАРОДА

В. ВОРОНЦОВА (В. В)

БИБЛІОТЕКА
КООПЕРАТИВНАГО
ИНСТИТУТА
ВСЕРОСС. КООПЕР. СЪѢЗДОВЪ
№ 8891 — 16

Издательство «НОВАЯ РОССІЯ»
Петроградъ, Невскій пр., 88

Прав 45

684
30

Типографія издательства «НОВАЯ РОССІЯ» 7 рота, 13.

Народъ — хозяинъ земли;
крестьянинъ—ея работникъ.

I.

Всякій понимаетъ, что хотя земля служитъ полемъ приложенія труда человѣка въ сельскомъ хозяйствѣ, подобно тому, какъ фабрика образуетъ такое поле въ ткацкой, напримѣръ, или прядильной промышленности, но кромѣ этого сходства между ними есть и очень крупное различіе, зависящее отъ ихъ происхожденія. Поле приложенія промышленнаго труда — мастерская, фабрика, заводъ — есть дѣло рукъ человѣческихъ, а земля—со всѣмъ тѣмъ, что находится на ея поверхности, что заключается въ ея нѣдрахъ и что носится надъ нею—есть природный даръ человѣку. «Земля—Божья»,—говоритъ русскій крестьянинъ, и говоритъ онъ, какъ о «Божьей», только о землѣ, но не фабрикѣ, заводѣ или желѣзной дорогѣ.

Земля, фабрики, заводы съ ихъ оборудованіемъ, желѣзныя дороги и всякіе предметы, служащіе для производства, для передвиженія или для торговли, и приносящіе ихъ владѣльцамъ доходъ,—хотя бы они сами и не работали, называются въ наукѣ капиталомъ. Это наименованіе прилагается и къ деньгамъ, на которыя можно пріобрѣсти всѣ перечисленные предметы и которые могутъ приносить самостоятельный доходъ (процентъ по ссудѣ). И вотъ, приходится сказать, что земельный капиталъ по своему происхожденію рѣзко отличается отъ всякаго другого. Промышленный, торговый, кредитный капиталы суть плоды человѣческихъ усилій, человѣческихъ заботъ, способностей и таланта. Словомъ, плоды творчества человѣка. Земля есть плодъ творческихъ силъ, находящихся внѣ человѣка, наслѣдіе, полученное людьми отъ ихъ матери—природы.

Изъ этого различія происхожденія земельнаго и другихъ капиталовъ проистекаетъ и различіе въ томъ, какъ отнесется къ нимъ человѣкъ, если онъ забудетъ о своихъ ежедневныхъ заботахъ, забудетъ, что онъ помѣщикъ, фабрикантъ, торговецъ, рабочій или крестьянинъ. Если такой человѣкъ отвлечется на время отъ заботящихъ его хозяйственныхъ дѣлъ, какъ отвлекается отъ нихъ истинно-религіозный человѣкъ, готовясь къ покаянію въ грѣхахъ; если онъ станетъ передъ своимъ сознаніемъ и своей совѣстью не какъ капиталистъ, землевладѣлецъ или рабочій, а просто какъ человѣкъ, чувствующій въ себѣ образъ и подобіе Бога; какъ человѣкъ, открывшій на минуту свою душу всему высокому, чистому и истинному. Если такой человѣкъ подумаетъ въ эти дни о землѣ, о людяхъ, на ней живущихъ и работающихъ, то—будь онъ самый крупный помѣщикъ—онъ признаетъ, что забралъ въ свои руки тысячи десятинъ не по правдѣ и справедливости; что не для того дана людямъ природою земля, чтобы одинъ человѣкъ захватилъ ее и заставилъ работать на себя другого. Онъ признаетъ, что земля должна быть доступна каждому, кто хочетъ на ней трудиться, что настоящій хозяинъ земли—весь народъ, а владѣлецъ ея—тотъ, кто въ потѣ лица своего добываетъ изъ нея хлѣбъ.

Такъ подумаетъ въ дни покаянія религіозный помѣщикъ, всосавшій съ молокомъ матери сознаніе, что земля принадлежитъ ему по всѣмъ человѣческимъ правамъ и законамъ. Но такъ же склоненъ думать и не въ дни покаянія всякій простой человѣкъ, живущій отъ трудовъ рукъ своихъ, а не отъ капитала. И такъ думаетъ весь русскій трудящійся людъ: «земля Божья, а человѣкъ ея работникъ», говоритъ труженикъ крестьянинъ. «Мы—ваши, а земля наша и на твое предложеніе мы не идемъ»,—отвѣтили когда-то крѣпостные одного помѣщика, предложившаго отпустить ихъ на волю безъ земли, съ тѣмъ, чтобы для обработки они арендовали землю у него и полагавшаго, что этимъ онъ чинитъ крестьянамъ великое благодѣяніе.

Земля, какъ мѣсто приложенія человѣческаго труда, отличается отъ фабрики, завода, мастерской не только тѣмъ, что она есть безплатный даръ человѣку отъ матери-природы. Она отличается отъ нихъ еще тѣмъ, что даетъ человѣку такіе предметы потребленія, безъ коихъ невозможна и самая жизнь, даетъ ему пропитаніе; присвоеніе земли отдѣльными лицами поэтому какъ-бы равносильно пріобрѣтенію ими власти и надъ жизнью людей.

Но это не все, что отличаетъ землю отъ заводовъ, фабрикъ и другихъ предметовъ, служащихъ для приложенія человѣческаго труда. Земля окружена воздухомъ, столь-же необходимымъ для жизни, какъ и пища. Она является единственнымъ источникомъ, какъ-бы природнымъ складомъ матеріаловъ для приготовленія предметовъ человѣческаго потребленія. На ея поверхности развертывается вся человѣческая жизнь; только на ней человѣкъ можетъ сооружать себѣ жилье, разбрасывать города и деревни, сообщаться съ другима людьми, словомъ жить, работать и отдыхать.

Земля имѣетъ, поэтому, для человѣка совершенно особое значеніе, играетъ, какъ говорится, въ жизни людей совершенно исключительную роль. Исключительнымъ должно быть и отношеніе людей къ землѣ и право пользованія ею. Нельзя, чтобы одинъ человѣкъ завладѣлъ землей и сказалъ: «я не позволяю селиться на ней». Нельзя, чтобы землевладѣлецъ запретилъ провести по своему участку желѣзную дорогу, признанную полезной для всего общества. Нельзя, чтобы кто-либо имѣлъ право допускать разработку нѣдръ земли или запрещать ее. Нельзя, чтобы отъ отдѣльныхъ лицъ зависило: сѣять на землѣ нужный для всѣхъ хлѣбъ, или развести на ней паркъ, служащій для развлеченія владѣльца; нельзя, чтобы одинъ человѣкъ говорилъ другому: «если хочешь обрабатывать землю—плати мнѣ деньги».—Земля есть единственное мѣсто для жизни и работы всѣхъ людей; единственный источникъ матеріаловъ для переработки на нужды всѣхъ людей Она составляетъ поэтому общее

достояніе, и народъ имѣетъ право, если признаетъ нужнымъ—предписывать правила владѣнія и пользованія ею на благо всѣхъ.

Исторія человѣческаго рода приняла, однако, такое направленіе, что все, что, по здравому смыслу недопустимо, получило, тѣмъ не менѣе, осуществленіе. Огромныя площади земли во всѣхъ странахъ попали въ однѣ руки. Многіе владѣльцы земли подъ большими городами не дозволяютъ застраивать ее, въ ожиданіи того времени, когда нужда въ жилищахъ растущаго города подыметъ цѣны земли до желательнаго для нихъ уровня. Другіе землевладѣльцы не дозволяютъ разрабатывать нѣдра своей земли. Третьи — держатъ землю подъ парками, въ паркахъ разводятъ дичь для удовольствія охоты. И наконецъ, всѣ крупные собственники земли допускаютъ крестьянина трудиться на ней не иначе, какъ за плату или сами нанимаютъ рабочихъ, уплачивая имъ только часть дохода, извлекаемаго изъ земли.

Такое положеніе дѣлъ утвердилось потому, что народныя массы въ прошломъ были совершенно невѣжественны и не организованы, и ими управляли небольшія группы лицъ, пользовавшіяся властью для обезпеченія своего личнаго благополучія. Отдѣльныя государства вели при этомъ между собою жестокія войны, и побѣдившая сторона присоединяла къ себѣ чужія земли, объявляла ихъ собственностью своихъ военачальниковъ и чиновниковъ. Имѣя въ своихъ рукахъ войска, управители государствомъ и ихъ помощники могли присваивать свободныя земли и своей страны и даже земли, занятыя крестьянами. А впослѣдствіи, когда вся земля оказалась разошедшейся по рукамъ, — богатые люди сосредоточивали въ своихъ рукахъ большія площади земли, скупая участки другъ у друга и пріобрѣтая земли мелкихъ владѣльцевъ, потому что земля была къ этому времени объявлена личной собственностью, свободно продавалась и покупалась.

Такъ было всюду; такъ случилось и въ нашей странѣ.

II.

Первоначально, когда Россія была слабо заселена и и земля была въ изобиліи—ее занималъ всякій: богатый и бѣдный, земледѣлецъ и промышленникъ, пашущій землю и бьющій въ лѣсу звѣря и птицу, ловившій въ рѣкахъ и озерахъ рыбу. Бѣдный земледѣлецъ обыкновенно пользовался занятымъ участкомъ, пока онъ давалъ достаточный урожай, а когда онъ истощался—крестьянинъ бросалъ его и занималъ новый. Такъ переносилъ онъ свою пашню съ одного участка на другой, и, пока земля находилась въ изобиліи, крестьянинъ не сростался именно съ тѣмъ или другимъ ея участкомъ (кромѣ усадебнаго), не считалъ его своимъ и не измѣнялъ первоначальнаго воззрѣнія на землю, какъ на Божію.

Отношеніе къ землѣ, захватывающаго ее богатаго человѣка было иное. Богатый человѣкъ занималъ свободную землю не для личной обработки. Онъ приглашалъ селиться на ней неимущихъ людей, помогалъ имъ выстроиться, снабжалъ ихъ земледѣльческими орудіями. сѣменами, деньгами и требовалъ себѣ нѣкоторую долю дохода, получаемаго ими отъ земли. Поселившіеся у него земледѣльцы вели такое же хозяйство, какъ и другіе крестьяне и также мѣняли истощенные участки на свѣжіе. Но забрасываемая ими земля не становилась свободной и доступной всякому, кто-бы пожелалъ ее обработать. Богатый человѣкъ, ихъ хозяинъ, считалъ эти участки своими и послѣ нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ залежи или заросли пускалъ ихъ опять подъ распашку.

Такіе хозяйственные порядки заведены были на землѣ, самовольно занятой богатыми людьми, считавшими эту землю принадлежащею имъ и никому больше. Но крупныя земельныя владѣнія появились на Руси не только путемъ самовольнаго ея занятія. Земля въ древнія времена у насъ, какъ и въ другихъ государствахъ, отдавалась правительствомъ служилымъ людямъ, какъ вознагражденіе за службу. Принята-же была въ тѣ времена

такая расплата за службу потому, что населеніе кормилось тогда собственнымъ хлѣбомъ, одѣвалось самодѣльщиной, продавало и покупало мало; мало имѣло само денегъ, мало можно было собрать съ него денегъ податями. Правительства того времени были поэтому не богаты деньгами, но въ ихъ государствахъ находилось много свободной земли, которой они распоряжались, какъ своей собственностью, и раздавали другимъ съ обязательствомъ нести за нее военную и гражданскую службу.

Первоначально они раздавали такимъ образомъ свободную землю только на время, пока человѣкъ находился на службѣ, которая въ тѣ времена была обязательна для всѣхъ, не принадлежавшихъ къ податнымъ сословіямъ (крестьянамъ, мѣщанамъ и др.). Но обыкновенно, выходившій въ отставку по старости лѣтъ воинъ или чиновникъ, имѣвшій—поступавшихъ на службу сыновей, просилъ, чтобы помѣстье, къ которому онъ уже привыкъ, было отведено его дѣтямъ; такая просьба удовлетворялась и со временемъ эти государственныя земли стали переходить отъ отца къ сыну, внуку и т. д; временные по закону владѣльцы стали считать ихъ своей собственностью и сдѣлались собственниками ихъ по закону послѣ того, какъ правительство освободило дворянъ отъ обязательной службы, а земли, которыя отводились имъ, какъ вознагражденіе за службу, оставило за ними.

Мы сказали, что первоначально правительство отводило служилымъ людямъ незанятую землю, а получившіе ее чиновники, какъ и лица самовольно занимавшія землю, созывали къ себѣ крестьянъ, которые кормились отъ земли сами, кормили отъ нея и помѣщика. Съ теченіемъ времени, какъ извѣстно, всѣ такіе свободно поселившіеся на дворянской землѣ крестьяне были обращены въ крѣпостное состояніе. И когда это случилось, русскіе императоры стали жаловать своихъ любимцевъ и заслуженныхъ чиновниковъ, а подчасъ—любовницъ и любовниковъ—не только свободной землей, но и участками, населенными государственными крестьянами, и эти крестьяне изъ свободнаго состоянія обращались въ крѣпостныхъ.

Такъ образовалась крупная земельная собственность на Руси; и когда эта собственность получила значительное распространеніе, то на всемъ пространствѣ русскаго государства рядомъ другъ съ другомъ оказались двѣ формы владѣнія землей: форма свободнаго пользованія ею мелкими земледѣльцами, и форма присвоенія крупныхъ площадей богатыми людьми, монастырями и чиновниками. Мелкіе земледѣльцы, сами по себѣ, не думали о томъ, составляетъ ли ихъ собственность та земля, которую они обрабатывали. Они даже не понимали, какъ это земля можетъ быть чьей-либо собственностью. Земли было много, работай на ней кто хочешь; оставлять за собой тотъ или другой ея участокъ на-вѣчно не было надобности; онъ уже истощился, его нужно замѣнить другимъ. Какая эта собственность и зачѣмъ она! «Земля Божія», думалъ такой земледѣлецъ, а я—ея работникъ.

Но когда рядомъ съ мелкими земледѣльцами оказались богатые люди и монастыри, когда они заняли крупныя площади свободной земли, поселили на нихъ крестьянъ, объявили эту землю своею и по мѣрѣ надобности, стали присоединять къ ней новые участки,—тогда и у ихъ сосѣдей, мелкихъ земледѣльцевъ, возникла мысль объ охранѣ отъ захвата богачами той площади, на которой они работали, замѣняя истощенные участки свѣжими. Тогда явилась надобность опредѣлить границы этой площади и опредѣленная (живыми урочищами) такимъ образомъ земля стала считаться крестьянами не только Божьей, но и «нашей», общественной, волостной, въ отличіе отъ земли помѣщичьей или монастырской. Но и принадлежность этой земли обществу—волости или приходу—мыслилась крестьянами не въ томъ смыслѣ, какъ понималась собственность помѣщиками. Не о правѣ продажи земли думали мелкіе земледѣльцы, когда объявили ее собственностью волости, прихода или другой группы деревень, участвующихъ въ пользованіи ею, словомъ общественной собственностью. Они указывали этимъ границы той площади, на которой могли избирать участки для обработки, рубить лѣсъ, собирать траву и на

которую не было доступа богатымъ присвоителямъ Божьей земли.

Мысль объ ограниченіи той площади земли, въ предѣлахъ которой жители какой либо группы деревень споконъ вѣка выбирали участки для обработки, такая мысль возникла у крестьянъ не только при появленіи по сосѣдству крупныхъ собственниковъ. Къ этой мысли крестьяне приходили послѣ того, какъ, размножаясь и разселяясь далѣе и далѣе, они пришли въ соприкосновеніе съ другимъ обществомъ, которое тоже размножалось и разселялось, и его члены занимали участки дальше и дальше отъ кореннаго своего центра.

Въ первое время такого соприкосновенія земель, разрабатывавшихся жителями двухъ различныхъ обществъ, крестьяне обоихъ обществъ занимали облюбованные ими участки въ перемежку; и образовалась такая полоса земли, на которой работали члены и того, и другого общества. Но затѣмъ населеніе умножилось, между жителями разныхъ обществъ возникли споры и ссоры изъ за земли, и общества сочли за благо провести границу, которая-бы отдѣляла владѣніе одного общества отъ другого.

Такъ или иначе, а пришло время, когда крестьяне перестали довольствоваться взглядомъ на землю, только какъ на «божью», доступную для всякаго, кто-бы пожелалъ ее обрабатывать. На этой «божьей» землѣ они стали различать пространства, принадлежащія отдѣльнымъ обществамъ и крупнымъ частнымъ владѣльцамъ, стали различать землю «нашу», и землю «чужую»; и посторонній человѣкъ допускался съ этого времени къ работѣ на общественной землѣ не иначе, какъ съ разрѣшенія общества.

III.

Переложное хозяйство, при которомъ возстановленіе производительныхъ силъ истощенной земли достигается оставленіемъ ея въ залежь или подъ лѣсную заросль, не могло, однако, продолжаться вѣчно. Замѣнять исто-

щенный посѣвами участокъ свѣжей землей можно было лишь до тѣхъ поръ, пока населеніе было рѣдкое, и земли хватало на всѣхъ, желавшихъ ее обрабатывать. Но съ теченіемъ времени, населеніе размножалось больше и больше и на пространствѣ волостного владѣнія уже не хватало удобной свѣжей земли для замѣны истощенныхъ посѣвами участковъ. А это означало, что пришло время измѣнить систему хозяйства; что земледѣльцу уже нельзя было забрасывать истощенные участки; ему нужно было изобрѣтать способы поддерживать и возстановлять плодородіе земли, не выводя ее изъ хозяйственнаго оборота. И такіе способы были найдены; и заключались они въ кратковременномъ отдыхѣ части полевой земли, отводимой для этого подъ паръ, въ лучшей ея обработкѣ и въ примѣненіи удобренія.

Такимъ образомъ, вмѣсто перемѣнной пашни явились постоянныя пахотныя угодья, а такая крупная перемѣна системы хозяйства привела къ измѣненію взглядовъ крестьянъ на землю. Пока система хозяйства заключалась въ томъ, что крестьянинъ обрабатывалъ нѣсколько лѣтъ одинъ участокъ, потомъ его оставлялъ и переходилъ на другой—онъ не помышлялъ о закрѣпленіи за собой засѣваемой площади. Онъ правда, если было нужно, называлъ обрабатываемый имъ участокъ «своимъ», но не въ томъ смыслѣ, что онъ будетъ вѣчно владѣть имъ, а для отличія его отъ участка, обрабатываемаго сосѣдомъ. Земледѣлецъ того времени не нуждался въ закрѣпленіи за собой пахатнаго угодья, ему нужна была только возможность замѣнять истощенный участокъ свѣжимъ; и это обезпечивалось ему наличностью обширной площади общественной земли. А эту-то общественную землю крестьянинъ считалъ и называлъ не «своей», а «нашей», т. е. принадлежащей не Карпу, Ивану или Федору, каждому въ отдѣльности, а всѣмъ имъ въ совокупности, цѣлой деревнѣ, волости, приходу и т. д.

Когда же переносъ пашни съ мѣста на мѣсто прекратился и земледѣльцу пришлось воздѣлывать постоянно одинъ и тотъ же участокъ и затрачивать на его обра-

ботку больше труда, а подчасъ и капитала, чѣмъ это было раньше. — то его взглядъ на землю долженъ былъ измѣниться. Теперь пахотный участокъ находится уже не во временномъ его пользованіи; онъ будетъ служить ему во всѣ дни живота его, служить и его дѣтямъ, и внукамъ. Онъ поливался потомъ нѣсколькихъ поколѣній: онъ сросся съ Карпомъ, Федоромъ или Иваномъ тѣснѣйшими узами, и всѣмъ земледѣльцамъ ясно, что этотъ участокъ—Карпа, тотъ Федора, а вотъ тотъ—Ивана.

Когда это въ достаточной степени выяснилось, то понятіе крестьянъ о землѣ, на которой они жили и которую обрабатывали, утратило прежнюю простоту, осложнилось. Прежде вся эта земля считалась ими принадлежащей всѣмъ жителямъ волости, землей общественной; и они говорили о ней только, какъ о «нашей». Теперь эта земля, на которой разбросано много деревень, продолжаетъ считаться общей, и нѣкоторыми ея угодьями, — какъ-то лѣсомъ, пастбищемъ, не расчищенными покосами—крестьяне пользуются, не раздѣляя на отдѣльные, постоянные для каждаго участки. Но на пространствѣ общественной, «нашей» земли появились участки, о которыхъ отдѣльные крестьяне говорятъ, какъ о «своей» землѣ, которые они считаютъ принадлежащими именно Карпу, Федору или Ивану, участки, которыми они распоряжаются по произволу: отдаютъ въ аренду, продаютъ другъ другу и т. д.

Такъ постепенно возникло пользованіе нѣкоторыми участками общественной земли, похожее на то, которое нынѣ называется частной собственностью. Отдѣльные жители волости дарили, продавали, завѣщали свои пахотные и расчищенные сѣнокосные участки; и общество не только не препятствовало этому, но заносило сдѣлки, для прочности владѣнія, въ свои книги. Не роптали до поры, до времени на такія сдѣлки и малоземельные члены общества, потому что ихъ малоземелье было временнымъ: они могли увеличить обрабатываемый участокъ расчисткой свободной волостной земли.

Но пришло время, когда и эти земельные распо-

рядки, которые Карпу, Федору или Ивану казались быть можетъ вѣчными, были признаны неудовлетворительными и уступили мѣсто другимъ; и произошло это слѣдующимъ образомъ.

Въ семьяхъ земледѣльцевъ, входившихъ въ составъ волости, прихода или большого сельскаго земельнаго общества, происходили съ теченіемъ времени перемѣны. Однѣ семьи размножались, дѣлились и нуждались въ расширеніи своихъ пахотныхъ угодій; другія семьи становились мельче, и у нихъ оказывался избытокъ пахотной земли. Нѣкоторыя семьи имѣли избытки пахоты потому, что скупали участки у своихъ неудачныхъ или многоземельныхъ однообщественниковъ. Многоземельные члены общества распоряжались своей пахотной землей, какъ мы говорили, по собственному произволу. Они ее обрабатывали сами, подчасъ принанимали для обработки ея бѣдныхъ односельцевъ, сдавали ее въ аренду, продавали. И пока на площади волостной земли оставались свободные участки, годные для обращенія въ пашню — малоземельные члены общества мирились съ такими порядками и увеличивали свои участки, разрабатывая подъ пашню участки волостной земли.

Но рано или поздно, пришло время, когда площадь незанятой волостной земли ограничилась до крайности, и семьи, у которыхъ прибыли новыя души, не имѣли уже возможности увеличить свою пахотную землю раздѣлкой общественной земли или должны были раздѣлывать очень отдаленные или очень неудобные участки. Малоземельные крестьяне старались пополнить недостатокъ своего пахотнаго угодья арендой или покупкой земли у многоземельныхъ односельцевъ. Но такой продажной земли было недостаточно для всѣхъ нуждающихся, и цѣна ея быстро возвышалась. Въ крестьянскомъ обществѣ развивается острая нужда въ землѣ, начинаетъ рѣзко бить въ глаза различіе между богатыми и бѣдными, многіе крестьяне оставляютъ родное село для заработковъ на сторонѣ; и всѣ такія нестрой-

ства мѣстной жизни возбуждали крестьянскую мысль къ изысканію путей выхода изъ создавшагося положенія.

Простой народъ не переставалъ считать землю Божьимъ даромъ человѣку. Но если подумать хорошенько, то съ этой мыслью связана другая мысль — мысль о томъ, что земля не должна присваиваться въ частную собственность, и что ею нельзя одного человѣка заставлять работать на другого. Частная и притомъ крупная собственность на землю, тѣмъ не менѣе водворилась; и, какъ мы видѣли, водворилась путемъ захвата незанятыхъ земель богатыми людьми и раздачей земли правительственнымъ чиновникамъ въ вознагражденіе за службу. И въ рукахъ этихъ лицъ «божья» земля сдѣлалась средствомъ порабощенія простого народа. Но порядки частной собственности водворились, какъ мы видѣли, и на землѣ крестьянскаго владѣнія. И если-бы въ это время крестьянамъ задать вопросъ: какъ это они допускаютъ, что «божья» земля продается и покупается, точно лошадь или телѣга—они по настоящему и не поняли-бы этого вопроса или сказали-бы, что продавецъ затратилъ на продаваемый участокъ много труда при его раздѣлкѣ и расчисткѣ, тратился на удобреніе и на его обработку, а покупатель платитъ за него деньги потому, что пріобрѣтая пашню или покосъ, онъ освобождается отъ трудовъ и расходовъ по расчисткѣ новаго участка.

Такой отвѣтъ, однако, не вполнѣ удовлетворителенъ: продавецъ пахотнаго или сѣнокоснаго участка давно вознаградилъ себя за расчистку и удобреніе земли, потому что и онъ самъ, и его отецъ, дѣдъ и прадѣдъ собирали съ нихъ зерно и траву; поэтому, продавая землю, онъ получаетъ деньги не за свои труды, а за землю саму по себѣ, за то, что составляетъ безплатный даръ человѣку матери-природы. Но отдавая свою землю другому, онъ дѣйствительно освобождалъ его отъ расходовъ по приведенію дикой земли въ культурное состояніе; и естественно, если покупающій эту землю соглашался дать за нее нѣкоторую сумму денегъ. И такъ

какъ переходъ земли изъ рукъ въ руки не нарушалъ ни чьихъ интересовъ, то ни въ комъ онъ не возбуждалъ и неудовольствія.

Можно было-бы задать крестьянамъ и другой вопросъ: допустили-ли бы они продажу земли однимъ общественникомъ другому въ томъ случаѣ, если бы вся свободная земля была занята и размножающіяся семьи не имѣли возможности увеличить свои участки. Или они потребовали бы, чтобы многоземельные домохозяева подѣлились безплатно находящимися у нихъ участками божьей земли съ малоземельными?

Большая часть крестьянъ вѣроятно не съумѣла бы сразу правильно отвѣтить на этотъ вопросъ. Они привыкли къ тому, что земля продается и покупается, и нужно время и продолжительное размышленіе для того, чтобы признать, что нельзя держать въ однѣхъ рукахъ много божьей земли и распоряжаться ею, какъ своей собственностью, въ то время, когда тутъ-же находятся малоземельные и безземельные; что такъ нельзя поступать съ землей потому, что она безплатный даръ природы человѣческому роду и на нее имѣетъ равное право всякій членъ общества.

Крестьянамъ, однако, во времена оны никто не задавалъ такихъ вопросовъ, а въ ихъ собственныхъ головахъ не возникли такіе вопросы, потому что неграмотный и ничего не видѣвшій простой народъ не задумывается надъ вопросами, которые не вызываются жизнью; а вопросъ объ ограниченіи права распоряженія землей и о передачѣ земли отъ многоземельнаго домохозяина малоземельному жизнью въ то время не вызывался потому-что малоземельные крестьяне могли пополнять недостатокъ земли раздѣлкой незанятой общественной земли и не зарились на участокъ своего многоземельнаго сосѣда.

Но пришло время, когда въ головахъ крестьянъ возникли эти вопросы, когда они вспомнили, что божья земля не должна быть собственностью отдѣльныхъ лицъ, что одинъ не долженъ имѣть ее въ избыткѣ въ то время,

какъ другой испытываетъ крайній ея недостатокъ. Пришло время, когда крестьяне поняли, что если одинъ человѣкъ много лѣтъ пользовался безплатно божьей землей, въ то время, какъ другой платилъ высокую арендную цѣну за то, чтобы въ потѣ лица добывать хлѣбъ свой, то первый хозяинъ долженъ, наконецъ, предоставить и второму возможность безплатнаго-же пользованія божьимъ даромъ. И всѣ эти мысли слились въ одну мысль,—что на землю, какъ на безплатный даръ человѣку матери-природы имѣютъ равное права всѣ трудящіеся на ней, и земля должна поэтому между ними равняться.

IV.

Мысли эти возникли въ умахъ крестьянъ послѣ того, какъ вся свободная земля была разобрана по рукамъ, и малоземельнымъ хозяйствамъ не стало возможности пополнять недостатокъ земли разработкой пустующихъ пространствъ. Но и когда настало такое положеніе—прежніе порядки исчезли не сразу. Прошло много десятилѣтій полнаго недостатка свободной земли, много десятилѣтій жительства бокъ о бокъ многоземельныхъ, малоземельныхъ и совсѣмъ безземельныхъ домохозяевъ и увеличенія числа малоземельныхъ и безземельныхъ членовъ общества, пока въ умахъ крестьянъ укрѣпилась та простая мысль, что землей нельзя распоряжаться такъ, какъ распоряжаются другимъ имуществомъ, что земля должна служить не только тому, кто ее первымъ захватилъ, а и другимъ людямъ. А когда эта мысль укрѣпилась у малоземельныхъ и среднеземельныхъ крестьянъ — понадобилось много времени, чтобы убѣдить многоземельныхъ домохозяевъ, что крупными участками общественной (божьей) земли они владѣютъ нынѣ не по правдѣ; что труды по обращенію ихъ предками дикой земли въ культурное состояніе давно окупились и, обрабатывая свою землю или продавая и арендуя ее за деньги, они используютъ не прошлый трудъ своихъ отцовъ и дѣдовъ, а тотъ божій даръ, который принесенъ

не имъ лично, а всѣмъ людямъ, и что этотъ даръ долженъ и распредѣляться между всѣми, долженъ между ними уравниваться.

Не вездѣ и не всѣ многоземельные домохозяева проникались этими идеями и не вездѣ поэтому первыя равненія земли произведены были самочинно. Во многихъ обществахъ тѣ, кто считалъ себя обиженными, обращались съ жалобами по начальству. Малоземельные крестьяне жаловались, что своихъ участковъ не хватаетъ на прокормленіе и уплату податей, а многоземельные взывали къ начальству, ссылаясь на свои труды и заботы о землѣ и порочили требовавшихъ передѣла малоземельныхъ, какъ лѣнивцевъ и безпутныхъ. Начальство принимало сторону то тѣхъ, то другихъ и либо задерживало, либо ускоряло первый передѣлъ общественной земли.

Но и въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло рѣшалось безъ участія начальства — крестьяне часто приступали къ равненію нерѣшительно, не сразу производили полное уравненіе землепользованія. У нихъ вѣдь впервые зародилась эта мысль и лишь постепенно вырабатывались пріемы ея осуществленія. Сначала крестьяне отбирали у многоземельныхъ лишь самые отдаленные участки и передавали ихъ наиболѣе нуждающимся общественникамъ. Потомъ площадь, отходящая отъ многоземельныхъ, постепенно увеличивалась, увеличивалось и число малоземельныхъ, получавшихъ дополненіе къ своимъ участкамъ; но коренные, ближайшіе къ усадьбамъ участки многоземельныхъ крестьянъ оставались при прежнихъ хозяевахъ. Наконецъ, насталъ день, когда крестьяне рѣшили всю пахотную землю общества раздѣлить между домохозяевами по числу душъ и намѣтить участокъ каждаго жребіемъ.

Не вездѣ, однако, и не въ одно время были уничтожены порядки частнаго владѣнія крестьянами общественной землей. Всего ранѣе передѣлы земли возникли въ коренныхъ, центральныхъ мѣстностяхъ Россіи, гдѣ населеніе гуще, гдѣ свободныя земли давно разобраны

и быстро росло малоземелье. Позже передѣлы стали вводиться на окраинахъ Россіи, позже отвоеванныхъ у татаръ и поздно заселенныхъ выходцами изъ коренной Россіи. Татары, съ которыми приходилось воевать русскимъ, занимались не столько хлѣбопашествомъ, сколько скотоводствомъ. Для выпаса-же скота требуется много земли, и на той площади земли, гдѣ живетъ одна семья кочевника-скотовода, могутъ устроиться десятки семей хлѣбопашцевъ. На южной и восточной завоеванныхъ окраинахъ Россіи земли у русскихъ поселенцевъ было поэтому достаточно, малоземелье развилось поздно; поздно возникъ и вопросъ о равненіи земли.

Большое вліяніе на введеніе уравнительнаго землепользованія оказало крѣпостное право. Помѣщики очень рано начали равнять своихъ крестьянъ землей. Они заботились, при этомъ, конечно, не о равномъ правѣ всѣхъ на землю, а о равной по ихъ мнѣнію обязанности каждаго крѣпостного извлекать изъ земли доходъ своему барину. Для этого ему нужно дать возможность работать на себя и на помѣщика, и всякой новой парѣ (мужу и женѣ) помѣщики нарѣзали участокъ земли и за то требовали 2—3 дня въ недѣлю работы на помѣщичьей запашкѣ и выполненія разныхъ другихъ работъ.

Но не вездѣ было осуществлено на крестьянской землѣ равное право трудящихся на землю. Осталось много мѣстностей, гдѣ равненія общественной земли между семьями никогда не производилось, гдѣ порядки частнаго владѣнія настолько укоренилось, что каждый крестьянинъ считаетъ когда-то занятый его предками участокъ земли своей полной собственностью. Въ такихъ мѣстностяхъ наблюдается поэтому большое различіе въ величинѣ отдѣльныхъ участковъ: здѣсь многіе крестьяне владѣютъ очень крупными, и многіе пользуются очень мелкими участками.

Введеніе уравнительнаго пользованія божьей землей или сохраненіе порядковъ частной собственности на землю, создавшихся въ то время, когда перемѣнная пашня замѣнилась постоянной,—это зависѣло во мно-

гомъ отъ того, какъ относилось правительство къ обычаю свободнаго распоряженія крестьянина состоявшимъ въ его пользованіи участкомъ.

Если обычай полнаго и безпрепятственнаго распоряженія крестьянъ землею будетъ закрѣпленъ властью, и всѣ земельные участки записаны за ихъ владѣльцами, то эти владѣльцы сдѣлаются полными собственниками земли по закону, и власть станетъ оберегать ихъ землю отъ посягательствъ съ чьей-либо стороны, какъ оберегаетъ она всякое другое имущество своихъ гражданъ. Частная собственность на землю укрѣпится тогда на много-много вѣковъ, и могла-бы быть отмѣнена только самимъ правительствомъ.

Если-же порядки полнаго частнаго распоряженія землей будутъ признаваться только обществомъ крестьянъ, но не закрѣплены властью; иначе говоря, если отдѣльные крестьяне будутъ полными распорядителями своихъ участковъ не по общему закону, а по мѣстному обычаю, то возможно, что съ теченіемъ времени эти обычаи измѣнятся, какъ измѣнился въ свое время обычай перемѣны пахатнаго участка на обычай постоянной пашни, какъ мѣняются и разные другіе обычаи народа.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи (Украина) и въ Западной Европѣ правительство рано вмѣшалось въ поземельныя отношенія крестьянъ, закрѣпило отдѣльные участки за ихъ владѣльцами, и эти владѣльцы обратились въ частныхъ земельныхъ собственниковъ по закону. При этомъ только въ рѣдкихъ случаяхъ въ общественномъ пользованіи остались нѣкоторыя угодья (преимущественно лѣса); въ большей же части мѣстности вся общественная земля раздѣлена на вѣчно, и частная собственность распространилась на всю божью, нѣкогда общественную землю.

Въ большей части Россіи поземельныя отношенія развивались въ другомъ направленіи.

Въ прошломъ русскіе цари мало заботились о благоустройствѣ своей страны и мало вмѣшивались во внутреннюю жизнь народа. Главное, что они преслѣдовали

въ своей государственной дѣятельности, это — пополненіе казны и организацію военной силы, потому что имъ приходилось волею и неволею вести жестокія войны съ татарами и турками, напиравшими на Россію съ востока и юга, съ Литвой и Польшей—на западѣ. А результатомъ этихъ войнъ было распространеніе границъ небольшого нѣкогда Московскаго царства до Урала и за Уралъ на востокѣ и до Чернаго моря на югѣ. Россія пріобрѣла, благодаря этому, обширныя площади плодородной и богатой минералами земли, но русскій народъ дорого заплатилъ за эти пріобрѣтенія и кровью своей, и потомъ. Всѣ классы общества обязаны были служить государственнымъ цѣлямъ. Дворяне несли военную и гражданскую службу, горожане выполняли разныя работы и порученія, крестьяне давали и деньги, и трудъ для военныхъ сооруженій на границахъ государства.

Войны требовали большихъ денежныхъ расходовъ; на изысканіе денежныхъ средствъ и было направлено все вниманіе правительства. Главнымъ источникомъ народныхъ доходовъ было въ то время земледѣліе, поддерживаемое мелкими домашними промыслами, а земледѣліе находилось въ рукахъ крестьянъ. На крестьянина поэтому было возложено и главное бремя налоговъ. Получить съ нихъ побольше и, по возможности, безъ недоимокъ назначеную сумму — вотъ о чемъ заботились и высшія и низшія власти; а все прочее въ жизни народа мало привлекало вниманіе правительства; поземельныя отношенія крестьянъ могли поэтому развиваться довольно свободно.

Русскіе цари смотрѣли кромѣ того на землю, какъ на собственность государства и не склонны были закрѣплять въ частную собственность участки, коими владѣли крестьяне. Обычай полнаго распоряженія отдѣльныхъ крестьянъ ихъ участками послѣ образованія постояннаго пахатнаго угодья не былъ поэтому закрѣпленъ властью, не былъ обращенъ въ законъ, поддерживаемый силою власти. И крестьяне, допустившіе при извѣстныхъ условіяхъ возникновеніе такого обычая,—при другихъ усло-

віяхъ могли его отмѣнять. Выше мною уже было разсказано, по какимъ причинамъ и какимъ образомъ обычай полнаго распоряженія отдѣльныхъ крестьянъ своими участками былъ замѣненъ порядками уравнительнаго распредѣленія земли между всѣми членами земельнаго общества.

Этими новыми порядками устанавливается значитъ равное право на землю всѣхъ трудящихся, и такіе порядки находятся въ большемъ согласіи съ тѣмъ, что земля не составляетъ плода усилій отдѣльныхъ лицъ, а получена людьми безплатно отъ ихъ общей матери-природы.

V.

Повторю вкратцѣ то, что было мною разъяснено выше.

Въ началѣ земледѣльческой жизни русскаго народа Россія населена была очень рѣдко, и населеніе ютилось въ маленькихъ деревушкахъ, отстоявшихъ одна отъ другой иногда на много верстъ. Земля находилась поэтому въ изобиліи и пользовался ею кто хотѣлъ, сколько хотѣлъ и какъ хотѣлъ. Косилъ траву земледѣлецъ тамъ, гдѣ она въ данномъ году лучше уродилась, и много травы оставалось не снятой. Пахатную землю онъ засѣвалъ, пока она давала сносные урожаи, а истощивъ землю, бросалъ ее и занималъ свѣжій участокъ. Земледѣльцу не нужно было поэтому присваивать землю, и онъ не видѣлъ вокругъ себя никого другого, кто-бы ее присваивалъ. Онъ зналъ одного хозяина земли—того, кто, по его вѣрованію, создалъ и землю, и человѣка. Земля въ глазахъ земледѣльца, была значитъ «божьей»; «божьимъ рабомъ», обреченнымъ въ потѣ лица добывать хлѣбъ свой,—считалъ онъ и человѣка.

Но пришло время, когда люди настолько размножились, а размножаясь разселялись далѣе и далѣе, что жители двухъ различныхъ мѣстностей (волостей, приходовъ и другихъ общественныхъ союзовъ)—въ поискахъ удобныхъ земельныхъ участковъ—подошли другъ къ другу, и почувствовалось стѣсненіе въ занятіи свѣжихъ земель

Вмѣстѣ съ этимъ по сосѣдству съ земледѣльцами тружениками поселились богатые люди, занимавшіе большія площади свободной земли и, распространяя свои заимки, столкнулись также съ мелкими земледѣльцами. Тогда, во избѣжаніе споровъ и ссоръ, общества земледѣльцевъ установили границы того, гдѣ каждое изъ нихъ будетъ занимать участокъ; и никому до того времени не принадлежавшая, божья земля раздѣлилась наземлю такого-то и такого-то общества, такого-то и такого-то богатаго владѣльца. Жители каждаго общества называли послѣ того землю, на которой работали, не только «божьей» но и «нашей», общественной.

При дальнѣйшемъ размноженіи людей незанятой удобной земли становилось меньше и меньше, мѣнять выпаханные участки на свѣжіе становилось затруднительнѣе и затруднительнѣе, и перемѣнная пашня обратилась въ постоянную, передававшуюся отъ отца сыну и внуку. При такихъ условіяхъ крестьянинъ привыкалъ смотрѣть на обрабатываемый имъ самимъ и его предками участокъ общественной земли, какъ на связанный только съ его семьей и ни съ кѣмъ больше, и такъ тѣсно сросся съ нимъ, что мысль о принадлежности его обществу, какъ бы испарилась изъ его головы. Такъ смотрѣли на его участокъ и его сосѣди, у которыхъ тоже находились участки постоянной пашни; такъ смотрѣли и его односельцы, начинающіе хозяйничать и хотя еще не имѣвшіе пахатной земли, но уже приступавшіе къ обращенію въ пашню незанятыхъ участковъ общественной земли.

Такъ мало-по-малу постоянные пахатные участки пріобрѣли въ глазахъ крестьянъ характеръ частнаго владѣнія Петра, Федора или Карпа; и эти владѣльцы распоряжались ими, какъ своей собственностью. Они дарили ихъ, завѣщали, продавали, и покупали, какъ покупали и продавали землю ихъ сосѣди, крупные владѣльцы.

Когда описанные порядки землепользованія утвердились въ жизни, сдѣлались для крестьянъ привычными и обычными—тогда измѣнились и прежнія понятія ихъ

о землѣ. Земля теперь была въ глазахъ крестьянъ не только «божьей», какъ при началѣ, т. е. въ первомъ періодѣ ихъ земледѣльческой жизни, и не только общественной, какъ во второмъ, описанномъ мною періодѣ. На этой божьей и общественной землѣ они видѣли участки, которые называлъ «своимъ», семейнымъ участкомъ именно Петра, Карпа, Ивана.

Такъ постепенно возникли среди трудящагося населенія Россія порядки и обычаи полнаго распоряженія отдѣльныхъ крестьянъ разработанными ими пахатными участками божьей и общественной земли. Крестьяне распоряжались этими участками, какъ распоряжались своей курицей, телѣгой или одеждой, хотя названные предметы были исключительно продуктами ихъ труда, а земельный участокъ составлялъ безплатный даръ матери-природы всему человѣческому роду. Порядки эти ничѣмъ не отличались отъ порядковъ, вытекающихъ изъ права частной собственности.

Когда обычаи пользованія и распоряженія землею измѣнились въ томъ смыслѣ, какъ я описалъ, когда люди забыли, что они работаютъ на божьей, общественной землѣ и стали считать участки своими, землей Ивана, Алексѣя, Сидора, то дальнѣйшая судьба крестьянскаго землепользованія зависѣла оттого, дойдутъ ли эти порядки до свѣдѣнія правительства, и какъ оно къ нимъ отнесется: закрѣпитъ-ли власть эти порядки закономъ или оставитъ ихъ безъ вниманія. Въ большей части Россіи правительство не закрѣпило этихъ порядковъ, и они оставались на положеніи мѣстнаго обычая. И когда крестьяне признали, что этотъ обычай противенъ общему благу, они его отмѣнили и ввели порядки уравнительнаго пользованія землей.

Введеніемъ передѣловъ вопросъ о равномъ правѣ на землю трудящагося народа окончательно, однако, не разрѣшился.

Кромѣ крестьянской земли, на пространствѣ необъятной Россіи находились еще десятки милліоновъ десятинъ крупныхъ имѣній, и божья земля въ рукахъ

ихъ владѣльцевъ служила для эксплоатаціи трудящихся. А до 1861 г. собственностью помѣщиковъ считались и 20 милліоновъ крестьянскихъ душъ, обрабатывавшихъ 80 милліоновъ десятинъ—половину для себя, половину—для помѣщиковъ.

Русскій народъ никогда не примирялся съ тѣмъ, что и онъ самъ, и божья земля находились въ обладаніи десятковъ тысячъ дворянъ, и не разъ съ оружіемъ, а больше съ дубиною въ рукахъ пытался вернуть себѣ землю и волю. Но подымался онъ для этого не по разуму, а по чувству, и завоевать землю и волю онъ думалъ не возстаніемъ противъ царя, а возстаніемъ во имя царя, котораго онъ считалъ своимъ благодѣтелемъ, защитникомъ отъ дворянъ и чиновниковъ. Мелкія крестьянскія волненія въ 18 и 19 вѣкахъ происходили по убѣжденію крестьянъ, что царь издалъ манифестъ о волѣ, а помѣщики его скрываютъ. Крупныя возстанія крестьянъ подъ предводительствомъ казаковъ Степана Разина и Емельяна Пугачева и съ участіемъ казацкихъ войскъ, подымались также подъ знаменемъ царской власти, а Пугачевъ даже самъ назвался царемъ Петромъ III, будто бы спасшимся отъ ножа офицеровъ-убійцъ, посадившихъ на его престолъ его жену, Екатерину II. Пугачевъ отъ имени убитаго царя призывалъ народъ помочь ему вернуть прародительскій престолъ и обѣщалъ за это волю, землю и освобожденіе отъ податей. Но нестройнымъ толпамъ крестьянъ, башкиръ, крѣпостныхъ рабочихъ на уральскихъ заводахъ, хотя бы и подъ руководствомъ казацкихъ отрядовъ, не подъ силу было биться съ царскими регулярными войсками. Возстаніе было подавлено, и тысячи висѣлицъ и кольевъ съ посаженными на нихъ жертвами уснащали путь усмирителей.

Но это не разубѣдило крестьянъ въ благодѣтельности царской власти, и народъ продолжалъ таить въ себѣ надежду, что не этотъ, такъ другой царь даруетъ таки ему землю и волю; и при каждой смѣнѣ царя эти надежды оживлялись, распространялись слухи о царскомъ, будто бы скрываемомъ помѣщиками, манифестѣ, и тамъ

и здѣсь крестьяне пытались силою осуществить волю благодѣтеля царя батюшки.

Народился наконецъ царь, освободившій крестьянъ отъ крѣпостного права. Почему онъ рѣшился на это— изъ благодѣянія-ли къ страждущему народу или по другимъ причинамъ — я здѣсь говорить не буду: объ этомъ вы прочтете въ другихъ книжкахъ. Но крестьяне не признали это освобожденіе—за настоящее. Они думали, что настоящая воля подмѣнена ложной; и долго ждали появленія настоящей свободы, которая принесетъ имъ не половину крѣпостной земли, а всю эту землю. Потомъ они убѣдились въ тщетности ожиданій и въ 1905 году— когда противъ царскихъ порядковъ возстали города— крестьяне пытались силою «выкурить» помѣщиковъ изъ усадебъ и уничтожить ихъ хозяйства, полагая, что послѣ того помѣщики не возвратятся въ раззоренныя имѣнія, и ихъ земли такъ или иначе перейдутъ въ руки крестьянъ. Надежды эти не оправдались. Собранная въ 1906 г. первая Государственная Дума поставила правда на очередь вопросъ о передачѣ крестьянамъ помѣщичьихъ земель, но за эту постановку она была распущена. Вторая Государственная Дума пошла по стопамъ первой, и была тоже распущена. А чтобы Дума не безпокоила больше царя и дворянъ такими притязаніями — правительство измѣнило избирательный законъ такъ, чтобы въ Думу попало поменьше крестьянъ и больше помѣщиковъ и поповъ, и стало вводить новые земельные порядки съ цѣлью народить маленькихъ помѣщиковъ изъ самихъ крестьянъ, полагая, что эти маленькіе помѣщики защитятъ отъ крестьянъ помѣщиковъ крупныхъ.

Нынѣ царская власть разсыпалась въ прахъ, нѣтъ никого, кто-бы защищалъ помѣщиковъ, и вся божья русская земля перейдетъ наконецъ въ руки того, кому она предназначена общей нашей матерью природой: въ руки всего русскаго народа. Теперь уже нужно опасаться не того, что божья земля останется въ рукахъ эксплоататоровъ народнаго труда; нужно опасаться, что она захватится, не дожидаясь всероссійскаго Учреди-

тельнаго Собранія, захватится отдѣльными крестьянскими обществами въ ущербъ другимъ крестьянамъ, и что возникнетъ борьба за землю уже не между крестьянами и помѣщиками, а между крестьянами, забывшими, что божья земля принадлежитъ всему народу, и что порядки и распоряженія ею должны быть установлены всѣмъ народомъ, въ лицѣ его представителей, избранныхъ всѣми совершеннолѣтними гражданами свободной Россіи, безъ различія пола, религіи и національности. Грядущее Учредительное Собраніе распространитъ равное право всѣхъ на всѣ земли Россійскаго Государства, и въ нашей странѣ исчезнутъ на вѣки крупные частные владѣльцы; исчезнетъ на вѣки и возможность пользоваться божьимъ даромъ для эксплоатаціи того, кому этотъ даръ предназначенъ. Когда это будетъ исполнено, тогда вполнѣ осуществится требованіе русскаго народа: «земля — трудящемуся на ней».

Порядки распредѣленія земли между трудящимися на ней должны быть установлены народнымъ правительствомъ съ такимъ расчетомъ, чтобы никто не оказался въ обидѣ и чтобы земли не могли сосредоточиваться въ однѣхъ рукахъ, и на мѣсто упраздняемыхъ крупныхъ помѣщиковъ не явились бы со временемъ маленькіе помѣщики, которые сумѣютъ такъ эксплоатировать трудящагося, какъ не эксплоатировали его крупные землевладѣльцы. А установленіе такихъ порядковъ есть дѣло очень сложное.

Въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи крестьяне не одинаково обезпечены землею: въ однѣхъ губерніяхъ на душу приходится больше надѣльной и не надѣльной (частновладѣльческой, государственной, удѣльной) земли, въ другихъ—меньше. Да и въ одной и той же губерніи и даже въ одномъ уѣздѣ однѣ деревни и селенія получили болѣе крупные надѣлы, другія—менѣе крупные и прямо недостаточные, и причина этого заключается не въ томъ, что одни крестьяне менѣе рачительны къ хозяйству, чѣмъ другіе. Причины кроются въ обстоятельствахъ отъ самихъ крестьянъ не зависящихъ.

Главную причину неравномѣрнаго распредѣленія между крестьянами разныхъ губерній надѣльной земли нужно искать въ томъ, что въ однѣхъ губерніяхъ на опредѣленную площадь приходится больше населенія, въ другихъ—меньше, иначе говоря—потому что неравномѣрно распредѣлено на пространствѣ Россіи все ея населеніе: въ однихъ мѣстностяхъ оно живетъ тѣснѣе, деревни близко отстоятъ одна отъ другой, всей земли по разсчету на душу приходится мало; въ другихъ мѣстностяхъ населеніе разбросано и между деревнями и селами находятся обширные незаселенныя пространства.

Тѣснѣе и скученнѣе населеніе въ центральныхъ губерніяхъ, болѣе разбросано оно—на окраинахъ Европейской Россіи и въ Сибири. И объясняется это тѣмъ, что центральныя губерніи составляютъ коренную старую Россію, а окраины завоеваны нами позже, завоевывались въ разное время и постепенно заселялись выходцами изъ центра. Кіевскій напримѣръ районъ находится во владѣніи русскихъ болѣе тысячи лѣтъ, а южныя приволжскія и заволжскія степи стали заселяться 100—200—300 лѣтъ тому назадъ. Эти послѣднія мѣстности заселились русскими не сразу. Туда стремились крестьяне изъ центральныхъ губерній по мѣрѣ того, какъ населеніе этихъ губерній размножалось и испытывало сильный недостатокъ въ земельныхъ угодьяхъ. Переселялись туда добровольно государственные крестьяне; переселяли туда своихъ крѣпостныхъ помѣщики; убѣгали туда крестьяне и самовольно отъ крѣпостного гнета. Переселеніе крестьянъ изъ центральныхъ губерній въ южныя и заволжскія степи продолжалось и въ новѣйшее время; его нельзя считать законченнымъ даже теперь. А когда въ распоряженіе народа перейдутъ частновладѣльческія земли этихъ степей — переселеніе туда крестьянъ Курской, Полтавской и другихъ малоземельныхъ губерній усилится, и эти крестьяне потребуютъ отведенія себѣ такихъ надѣловъ. Они имѣютъ, конечно, на землю окраинъ такое-же право, какъ и жители самихъ окраинъ, потому что божья земля составляетъ общенародное достояніе, и

окраины Россіи завоеваны кровью крестьянъ центральныхъ же губерній.

Величина крестьянскихъ надѣловъ зависитъ еще отъ того, къ какому разряду они принадлежали въ прежнее время; и изъ трехъ разрядовъ крестьянъ—помѣщичьихъ, удѣльныхъ и государственныхъ — наименьшіе участки получили при освобожденіи отъ крѣпостной зависимости помѣщичьи крестьяне, наибольшіе — государственные. Помѣщичьи крестьяне будутъ поэтому ожидать, что они получатъ наибольшую часть переходящихъ въ общенародную собственность частновладѣльческихъ земель.

Изъ всего сказаннаго видно, что раздѣлъ отчуждаемыхъ отъ помѣщиковъ земель между земледѣльцами не есть дѣло простое. Оно было-бы простымъ, если-бы претендентами на отчуждаемую землю являлись только жители ближайшихъ къ данному имѣнію деревень. Въ этомъ случаѣ раздѣлъ могъ бы быть произведенъ самими этими деревнями, а высшая власть только наблюдала бы, чтобы никто не былъ обиженъ. Если же на землю какого-либо района разсчитываютъ не только мѣстные жители, но и болѣе отдаленные, то распредѣленіе этой земли нельзя поручить мѣстному только населенію. Человѣкъ вообще слабъ и думаетъ больше о себѣ, а не о другихъ. Когда крестьяне стремились завладѣть помѣщичьей землею, то они ссылались на то, что земля не помѣщиками выдумана, что она создана Богомъ для всѣхъ людей и поэтому принадлежитъ всѣмъ людямъ. Когда-же дѣло дойдетъ до распредѣленія этой земли между обществами или домохозяевами,—многіе забудутъ, что они говорили раньше и станутъ требовать, чтобы земля была дана имъ, а не другимъ. Одни будутъ при этомъ ссылаться на то, что земля пріобрѣтена отъ того помѣщика, кому въ крѣпостное время принадлежали они сами. Другіе скажутъ, что они имѣютъ больше правъ на данную землю, потому что они обрабатывали ее, нанимаясь къ помѣщику или арендуя ее у прежняго владѣльца, или что безъ этой земли придетъ въ разстройство ихъ собственное хозяйство. Многое станутъ приводить

въ свое оправданіе тѣ, кто захочетъ, чтобы земля досталась имъ, а не другимъ. Забудутъ только объ одномъ— что земля божья, и на нее имѣетъ равное право всякій, кто захочетъ обрабатывать ее собственными трудами.

Но этого не могутъ забыть выборные представители всего народа; и этимъ выборнымъ предстоитъ разсмотрѣть всѣ претензіи на землю, выдѣлить уважительные резоны, обуздать жадничающихъ людей и устроить земельныя отношенія ко всеобщему благополучію.

VI.

До сихъ поръ къ землѣ стремились и о землѣ хлопотали крестьяне-земледѣльцы, т. е. тѣ, кто ее обрабатываетъ; и пожеланія крестьянъ выражались лозунгомъ: «вся земля трудящимся на ней». А если когда говорилось «вся земля — всему народу», то подъ этимъ разумѣлось, что порядки распредѣленія отходящей отъ помѣщиковъ земли между трудящимися должны быть установлены представителями отъ всего народа, потому что весь народъ, а не тѣ или другія лица или группы населенія, является настоящимъ хозяиномъ земли, какъ земли божьей, какъ безплатнаго дара общей матери природы всѣмъ людямъ.

Но изъ того, что земля составляетъ безплатный даръ природы человѣку слѣдуетъ не только заключеніе, что доступъ къ ней долженъ быть открытъ лишь для тѣхъ, кто лично ее обрабатываетъ. Земля нужна всѣмъ людямъ, а не только на ней трудящимся и нужна потому что она даетъ пропитаніе и матеріалы для работы по выдѣлкѣ предметовъ, удовлетворяющихъ всѣ другія ихъ потребности. Земля поэтому служила-бы всѣмъ людямъ, и въ томъ случаѣ, если-бы не нужно было ее воздѣлывать, если-бы продовольствіе доставалось человѣку въ готовомъ видѣ, какъ оно достается дикимъ травоядным животнымъ, питающимся растущей на землѣ травой.

Но если земля нужна всѣмъ людямъ, если она составляетъ единственный источникъ пропитанія населенія

и матеріаловъ для его производительной дѣятельности, если отъ количества полученнаго населеніемъ хлѣба, масла, лѣса и другихъ продуктовъ сельскаго хозяйства и отъ количества извлекаемаго изъ нѣдръ земли металла, каменнаго угля, нефти и т. п., зависитъ—будетъ-ли населеніе бѣдствовать или благоденствовать, — то само собой ясно, что народному правительству приходится заботиться не только о равномѣрномъ распредѣленіи земли между трудящимися, но и о полученіи отъ земли достаточнаго количества разнообразныхъ продуктовъ и матеріаловъ.

Такіе матеріалы для производительной дѣятельности какъ руды, металлы, каменный уголь, минералы и т. п. находятся въ нѣдрахъ земли въ готовомъ видѣ и въ опредѣленномъ количествѣ. Они составляютъ продуктъ дѣятельности природныхъ силъ въ теченіе безчисленнаго числа лѣтъ и ни сама природа, ни человѣкъ не могутъ въ настоящее время увеличить запасъ ихъ въ землѣ. Человѣку остается поэтому только извлекать эти матерьялы изъ нѣдръ земли и осмотрительно пользоваться ими, а правительству до сихъ поръ нужно было слѣдить, чтобы частная собственность на землю не служила препятствіемъ къ добычѣ этихъ матерьяловъ въ тѣхъ случаяхъ, когда собственникъ не расположенъ добывать ихъ изъ своей земли своими средствами.

Другой рядъ природныхъ матеріаловъ принадлежитъ не къ минеральному, а къ растительному міру, или, какъ говорится въ наукѣ, къ растительному царству. Эти матеріалы суть продукты не прошедшей, а настоящей дѣятельности творческихъ силъ природы; и сами они не безжизненны, какъ камни, металлы или руды, а живые организмы, зарождающіеся, растущіе и умирающіе. И потому что они живутъ и множатся, человѣкъ можетъ вмѣшаться въ естественный процессъ природы и содѣйствовать умноженію этихъ растеній.

Изъ этихъ предметовъ растительнаго царства только лѣсъ и траву природа даетъ въ нашемъ климатѣ въ готовомъ видѣ, такъ что человѣку остается только снять

и употребить ихъ въ дѣло. Но вотъ здѣсь-то, при пользованіи лѣсомъ, и выяснилась опасность совершенно свободнаго распоряженія собственниковъ попавшими въ ихъ руки природными богатствами. И крупные и мелкіе частные собственники, и крестьянскіе общества и товарищества крестьянъ, пріобрѣтавшіе землю подъ лѣсомъ, безпощадно изводили лѣса ради тогдашнихъ своихъ нуждъ и выгодъ, не думая ни о будущихъ поколѣніяхъ, ни о томъ, какъ отразится обезлѣсеніе страны на ея климатѣ, и на ея почвѣ. И мы видимъ, что въ однѣхъ мѣстностяхъ Россіи послѣ вырубки лѣсовъ обмелѣли рѣки, другія мѣстности прямо-таки бѣдствуютъ отъ размыванія почвы высокимъ половодьемъ, приводящимъ къ грозному распространенію овраговъ; въ третьихъ мѣстностяхъ обезлѣсеніе уничтожило защиту отъ сильныхъ вѣтровъ и связываніе песчаныхъ почвъ, и пахатныя угодья засыпаются движущимися по вѣтру песками.

Изъ сказаннаго здѣсь слѣдуетъ, что распоряженіе тѣми лѣсными угодьями, которыя обратятся теперь въ общенародное достояніе, должно перейти въ руки народнаго правительства, и это правительство установитъ такіе порядки рубки, чтобы площадь подъ лѣсами не сокращалась; оно приметъ также мѣры къ тому, чтобы эта площадь, гдѣ это нужно, увеличилась, и чтобы божій даръ—лѣсъ—всѣмъ людямъ служилъ для нуждъ не только современнаго, но и будущихъ поколѣній.

Прочіе растительные матеріалы и предметы для питанія человѣка—ленъ, рожь, овесъ и т. д. — не даются природой въ готовомъ видѣ, а выращиваются самимъ человѣкомъ. Впервые, правда, человѣкъ позналъ эти растенія, встрѣтивъ ихъ въ природѣ въ готовомъ видѣ, какъ находитъ теперь готовые лѣсъ или траву. Но человѣкъ не довольствовался тѣмъ, что онъ нашелъ готоваго въ природѣ, а сталъ самъ помогать ей въ приготовленіи этихъ растеній. Побудило его къ такому вмѣшательству въ дѣла природы размноженіе людей, для которыхъ оказывалось уже недостаточно того количества ржи, овса, льна и т. п., какое давала земля, сама-

по-себѣ. А вмѣшаться въ процессы природы оказалось для него возможнымъ потому, что названные растительные матеріалы и предметы человѣческаго пропитанія произрастаютъ изъ тѣхъ самыхъ сѣмянъ, которыя получаетъ человѣкъ отъ нихъ и употребляетъ для своихъ нуждъ, и что поспѣваютъ они въ теченіе всего лишь нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Человѣкъ взялъ въ свои руки произращеніе этихъ растеній, придумалъ способы заставить каждое растеніе давать больше нужныхъ ему веществъ (зерна, сѣмянъ, волокна), чѣмъ заключалось у у него въ дикомъ состояніи; человѣкъ улучшилъ качества этихъ растеній, увеличилъ число ихъ сортовъ, приспособилъ сѣмена къ тому, чтобы они давали урожай въ такихъ климатахъ, гдѣ они не встрѣчаются въ естественномъ состояніи; при помощи разнообразныхъ удобреній, тщательной обработки и даже согрѣванія почвы человѣкъ такъ измѣняетъ составъ почвы въ данной мѣстности, что на ней сдѣлалось возможнымъ разводить такія растенія, которыя въ естественномъ состояніи произрастаютъ совсѣмъ въ другихъ климатахъ и въ другихъ мѣстностяхъ.

Благодаря всѣмъ этимъ мѣрамъ, основаннымъ на тщательномъ изученіи природы, въ цивилизованныхъ странахъ земля превращена какъ-бы въ фабрики для приготовленія нужныхъ человѣку растеній; и количество, и родъ получаемыхъ отъ земли растительныхъ матеріаловъ и жизненныхъ припасовъ зависитъ тамъ теперь всецѣло отъ воли, труда и искусства человѣка. Къ такому же состоянію должна быть приведена и русская земля. И это будетъ достигнуто совмѣстными усиліями правительства, мѣстнаго самоуправленія, кооперативовъ и отдѣльныхъ сельскихъ хозяевъ.

Первоначально мы разсматривали землю, какъ поле для приложенія труда человѣка, признали вмѣстѣ съ русскимъ народомъ, что земля, какъ наслѣдіе нашей общей матери-природы, принадлежитъ всѣмъ ея дѣтямъ—людямъ и не должна быть средствомъ для эксплоатаціи одного человѣка другимъ. И теперь, когда революція

смела царскую власть и тѣмъ уничтожила силу, поддерживавшую частныхъ захватчиковъ божьей земли—наслѣдіе матери-природы возвращается всѣмъ ея дѣтямъ и новымъ народнымъ властямъ, въ лицѣ Учредительнаго Собранія и избраннаго имъ Правительства предстоитъ задача установленія такихъ порядковъ пользованія землей, чтобы никто изъ наслѣдниковъ матери-природы не былъ обиженъ и чтобы никогда труженику земли русской не пришлось въ потѣ лица своего добывать хлѣбъ для пропитанія или услажденія крупныхъ или мелкихъ помѣщиковъ. Самъ народъ выражаетъ эти порядки лозунгомъ—«земля трудящимся».

Теперь мы завели рѣчь о землѣ, какъ источникѣ жизненныхъ средствъ и матерьяловъ для работы человѣка и указали, что забота новаго правительства въ земельномъ дѣлѣ не можетъ ограничиться передачей всего этого поля земледѣльческой работы въ руки трудящихся. Центральному правительству совмѣстно съ другими учрежденіями предстоитъ еще содѣйствовать тому, чтобы земля давала столько питательныхъ средствъ и матерьяловъ, сколько это необходимо для страны и чтобы современное поколѣніе не истощало производительныхъ силъ почвы, въ ущербъ поколѣніямъ будущимъ.

Этимъ будетъ данъ отвѣтъ на другое требованіе «земля для всего народа».

Такая задача правительственной и общественной дѣятельности представляется настоятельно необходимой именно для настоящаго времени.

Было время, когда правительству не было надобности заботиться о томъ, чтобы русская земля давала возможно больше продовольствія и различныхъ матеріаловъ для промышленности. Не было въ этомъ надобности потому, что все почти населеніе Россіи—и не только сельское, но и значительная часть городского—пахало землю, а въ свободное отъ земледѣлія время перерабатывало полученные въ своемъ же хозяйствѣ ленъ и шерсть въ предметы своего одѣванія, а излишекъ этихъ предме-

товъ продавали на сторону. Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ часть сельскаго населенія занималась кустарными промыслами для продажи, обрабатывая дерево, пеньку, шерсть, кожи, получаемые либо въ собственномъ хозяйствѣ, либо въ ближайшей округѣ. Крупныхъ фабрикъ и заводовъ было въ то время очень мало и работали они главнымъ образомъ для войска и чиновниковъ и для нихъ требовалось небольшое количество матеріаловъ.

Такимъ образомъ, въ то время огромное большинство населенія Россіи само добывало себѣ пищу и приготовляло то, что ему было нужно; покупнымъ хлѣбомъ кормилось почти исключительно войско, чиновники, городскіе торговцы, ремесленники и немногочисленный классъ фабричныхъ рабочихъ.

Послѣ освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости это положеніе стало быстро измѣняться и чѣмъ дальше, тѣмъ больше. Выросло много фабрикъ и заводовъ, и самодѣльные предметы крестьянскаго потребленія больше и больше вытѣсняются фабричными издѣліями. Это значитъ, что сельское населеніе стало терять подсобныя къ земледѣлію занятія, его доходы сократились, и малоземельная его часть потянулась въ города искать заработковъ. Стороннихъ же заработковъ на первое время было достаточно: рабочіе требовались и для новыхъ фабрикъ и заводовъ, и для сооруженія желѣзныхъ дорогъ, и для обслуживанія дорогъ выстроенныхъ, и для развивающейся торговли, и для расширенія городовъ, которые должны были принимать много пришлаго изъ деревень населенія.

По причинѣ указанныхъ обстоятельствъ неземледѣльческое населеніе Россіи растетъ гораздо быстрѣе земледѣльческаго, для его прокормленія требуется много хлѣба и сельское хозяйство должно дать этотъ хлѣбъ. Оживилась въ это время не только внутренняя промышленность, строительная дѣятельность и торговля; очень расширилась и наша внѣшняя торговля. Для сооруженія желѣзныхъ дорогъ, фабрикъ, жилыхъ помѣщеній въ го-

родахъ для пришлаго населенія равно какъ и для оборудованія заводовъ и фабрикъ требуется много машинъ и разныхъ металлическихъ приспособленій. Машины и усовершенствованныя орудія потребовались и для сельскаго хозяйства. Увеличившееся городское населеніе и для себя стало требовать лучшихъ предметовъ потребленія, нежели тѣ, которыми оно довольствовалось раньше. А всѣ эти машины и металлическія приспособленія и другіе предметы сами мы производили плохо и дорого, и пришлось выписывать ихъ изъ за границы. Оттуда же доставляли намъ и хлопокъ въ большомъ количествѣ, такъ какъ бумажныя матеріи стали у насъ вытѣснять льняныя; больше и больше распространялось у насъ потребленіе чая, кофе и другихъ предметовъ, привозимыхъ изъ южныхъ странъ. А расплачиваться съ иностранцами за всѣ эти предметы мы могли только продуктами сельско-хозяйственной дѣятельности населенія. Этому населенію предстояло поэтому увеличить добычу разныхъ земледѣльческихъ продуктовъ не только для прокормленія растущаго неземледѣльческаго населенія Россіи, но и для вывоза за-границу.

Но добываніе возможно большого количество земледѣльческихъ продуктовъ потребуется еще для того, чтобы наша страна могла выдержать тѣ громадные расходы, которые падутъ на нее послѣ войны. Расходы эти частью вызывается общими культурными задачами въ нашемъ обществѣ, частью проистекаютъ изъ того, что намъ пришлось участвовать въ міровой войнѣ, частью вызваны революціей, свергшей старые порядки.

Что касается общихъ культурныхъ задачъ современнаго поколѣнія, то нужно помнить, что Россія отстала отъ другихъ цивилизованныхъ государствъ не только въ своей хозяйственной дѣятельности, но и въ другихъ отношеніяхъ. Народъ нашъ еще полубезграмотенъ, дороги наши весной и осенью непролазны, села наши и города загрязнены и не благоустроены; правильной медицинской помощью населеніе далеко не обезпечено. И новымъ учрежденіямъ — государственнымъ, городскимъ,

земскимъ, волостнымъ, сельскимъ—придется очень много тратить денегъ для приведенія всего нашего быта въ благоустроенное состояніе.

Революція вызвала у всѣхъ служащихъ и рабочихъ стремленіе увеличить свое содержаніе, и уже теперь, когда это стремленіе далеко еще не получило полнаго удовлетворенія, на дополнительное жалованье солдатъ и другихъ служащихъ правительству приходится расходовать цѣлый милліардъ рублей.

Расходы всѣхъ учрежденій и особенно главнаго, центральнаго правительства возрастутъ очень сильно еще потому, что великая міровая война, въ которой участвуетъ и наша страна, потребуетъ многолѣтныхъ крупныхъ платежей по обязательствамъ, принятымъ нами на себя. Главное изъ этихъ обязательствъ связано съ заключаемыми для войны займами; по этимъ займамъ, если война закончится въ текущемъ году,—правительству придется уплачивать проценты въ два съ половиной милліарда рублей въ годъ. Но кромѣ этого платежа придется расходовать не малыя суммы на содержаніе искалѣченныхъ войной солдатъ и ихъ семей и на возстановленіе разоренныхъ непріятелемъ нашихъ областей, если мы изгонимъ оттуда германцевъ; а если германцы выдутъ изъ войны побѣдителями, то на насъ можетъ быть наложена тяжелая контрибуція.

Война повела къ увеличенію государственныхъ расходовъ еще потому что чрезмѣрный выпускъ кредитныхъ билетовъ уронилъ цѣну рубля, или что тоже, поднялъ цѣны всѣхъ продажныхъ предметовъ. Цѣны эти возвысились еще болѣе вслѣдствіе большаго повышенія заработной платы рабочихъ фабрикъ и заводовъ. А такъ какъ правительство много покупаетъ разныхъ предметовъ для содержанія войска, желѣзныхъ дорогъ и т. д., то его расходы сильно возрастутъ (сравнительно съ мирнымъ временемъ) даже и послѣ того, какъ спекулянты-производители и торговцы по заключеніи мира — потеряютъ возможность безбожно наживаться на своихъ товарахъ.

По всѣмъ этимъ причинамъ государственные расходы

возрастутъ послѣ войны не менѣе какъ на четыре-пять милліардовъ рублей въ годъ. А такъ какъ мы расходовали передъ войной 3 милліарда рублей, то нашъ государственный бюджетъ достигнетъ послѣ войны 7-и, вѣрнѣе даже 8-ми милліардовъ рублей если не болѣе, и будетъ въ три раза перевышать бюджетъ до-военный.

Спрашивается, гдѣ мы возьмемъ денегъ для покрытія такихъ расходовъ?

VII.

При старомъ правительствѣ главнымъ плательщикомъ налоговъ былъ простой, трудящійся людъ, а капиталистическіе доходы были обложены очень мало; въ демократическихъ кругахъ поэтому широко распространилось мнѣніе, что новое, народное правительство поступитъ обратно; оно освободитъ отъ обложенія малоимущія массы населенія, а главное бремя налоговъ перенесетъ на крупныхъ промышленниковъ, торговцевъ, на владѣльцевъ денежныхъ капиталовъ и т. д. Спросимъ, однако, себя, можно ли надѣяться, что эти ожиданія оправдаются? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ служитъ подсчетъ чистаго дохода имущихъ людей въ Россіи, сдѣланный правительствомъ при составленіи проектовъ подоходнаго налога.

Подсчетъ этотъ показалъ, что всѣ такіе доходы, вмѣстѣ съ доходами крупныхъ землевладѣльцевъ, не достигаютъ трехъ милліардовъ рублей въ годъ, а съ упраздненіемъ крупнаго землевладѣнія они сократятся до двухъ милліардовъ рублей. Разсчетъ этотъ, правда, не точенъ, но если его даже удвоитъ, то и тогда всѣ капиталистическіе доходы составятъ у насъ всего четыре милліарда рублей. И если правительство найдетъ способъ отбирать въ пользу казны даже половину этого дохода, то этимъ покроется лишь два милліарда предстоящихъ государственныхъ расходовъ изъ общей ихъ суммы въ 7—8 милліардовъ рублей, а пять-шесть милліарда рублей правительству придется покрывать изъ

другихъ источниковъ. Изъ какихъ же источниковъ можно покрыть эту сумму?

Подсчетъ капиталистическихъ доходовъ показалъ, что обложенію подоходнымъ налогомъ подлежало бы у него неполныхъ 3 милліарда рублей, а за вычетомъ дохода землевладѣльцевъ—около 2 милліардовъ рублей. Такой чистый доходъ получаютъ имущіе классы страны, населеніе которой исчисляется въ 170 милліоновъ душъ. Насколько ничтоженъ этотъ доходъ-можно судить потому, что въ Пруссіи и Англіи съ населеніемъ въ четыре раза меньшимъ, чѣмъ въ Россіи (по 40 милл. душъ) подоходнымъ налогомъ облагается шесть съ половиною ($6^1/_2$) милліардовъ рублей въ Пруссіи и семь съ половиною ($7^1/_2$) милліардовъ рублей въ Англіи. По разсчету на душу населенія это составляетъ 160 рублей облагаемаго дохода въ Пруссіи и 190 рублей въ Англіи. Въ Россіи подлежащій обложенію доходъ (даже съ доходомъ отъ земли всего 3 милліарда рублей) не достигаетъ 20 рублей на душу, т. е. оказывается въ 8 разъ меньшимъ, чѣмъ въ Пруссіи и почти въ 10 разъ меньшимъ, нежели въ Англіи.

Отчего происходитъ такое различіе?

Источникомъ народныхъ доходовъ служитъ производительная дѣятельность населенія и чѣмъ больше вся страна добываетъ изъ земли предметовъ продовольствія и различныхъ матеріаловъ, чѣмъ больше затѣмъ затрачиваетъ она человѣческой, паровой, электрической и другихъ силъ на переработку этихъ матеріаловъ, то тѣмъ большей суммой рублей выражается ея годовая производительность, тѣмъ большія суммы собираются въ видѣ дохода въ карманы имущихъ классовъ и тѣмъ большая сумма можетъ быть удѣлена отъ нихъ на общественныя нужды. Малая сумма капиталистическихъ доходовъ въ Россіи, сравнительно съ Пруссіей и Англіей, свидѣтельствуетъ, поэтому, о томъ, что въ нашей странѣ добывается изъ нѣдръ земли и отъ каждой десятины пашни меньше продуктовъ и затрачивается на переработку ихъ меньше живой (человѣческой) и механической (паровой и т. п.)

силы, чѣмъ въ двухъ вышеназначенныхъ странахъ, и годовая производительность страны поэтому ниже. И, дѣйствительно, приблизительные подсчеты показали, что годовая производительность Россіи составляетъ 100 рублей на душу населенія, въ Германіи—250 руб., въ Англіи—400 р. на душу. Германія, слѣдовательно, производитъ въ теченіе года разныхъ цѣнностей по разсчету на душу почти въ $2^1/_2$ раза больше, чѣмъ Россія, а Англія — въ 4 раза больше. Это выражаютъ, говоря, что производительность труда каждаго рабочаго въ этихъ странахъ гораздо выше, чѣмъ производительность труда въ Россіи.

Сравненіе этихъ данныхъ о національной производительности Пруссіи, Англіи и Россіи съ данными о величинѣ облагаемаго чистаго дохода, показываетъ, что въ Россіи привлекается къ обложенію значительно меньшая часть національнаго дохода, чѣмъ въ Англіи и въ Пруссіи. Именно, національный доходъ Англіи составляетъ 400 руб. на душу населенія, а къ подоходному обложенію привлекается 190 руб., т. е. половина національнаго дохода; національный доходъ Пруссіи равенъ 250 руб. на душу, а облагается 160 рублей, т. е. къ обложенію привлекается почти двѣ трети ($^2/_3$) національнаго дохода; въ Россіи же къ подоходному обложенію предполагается привлечъ 20 р. изъ 100 р. всего національнаго дохода (на душу), т. е. $^1/_5$ (одна пятая) часть этого дохода. Чѣмъ объясняется это различіе?

Привлеченіе къ обложенію въ Пруссіи и въ Англіи большей доли ихъ національнаго дохода, чѣмъ въ Россіи объясняется отчасти тѣмъ, что въ Россіи учтены не всѣ капиталистическіе доходы. Но главнымъ образомъ это зависитъ отъ того, что въ Пруссіи и Англіи крупная, фабрично-заводская промышленность распространена больше, чѣмъ въ Россіи. А такъ какъ собственниками фабричныхъ и заводскихъ предпріятій являются отдѣльныя богатыя лица, то въ рукахъ богатыхъ лицъ и сосредоточиваются главные доходы отъ промышленности. Доходы этихъ лицъ, однако, возрастаютъ не только по-

тому, что въ Пруссіи и въ Англіи больше фабрикъ, а и потому, что производительность фабрично-заводскаго труда выше производительности труда ремесленнаго. Рабочій фабрики и завода орудуетъ не голыми руками, а машинами и пользуется не своей только слабой силой, а могучею силой пара и электричество. Этотъ рабочій приготовитъ поэтому въ теченіе года гораздо больше издѣлій, чѣмъ ремесленникъ, работающій простыми орудіями и пускающій въ дѣло только слабую силу своихъ рукъ.

Вслѣдствіе указанныхъ причинъ, національный доходъ въ Англіи и Пруссіи сосредоточивается преимущественно въ рукахъ небольшого числа богатыхъ людей, лично неработающихъ, а вкладывающихъ въ дѣло свои капиталы, а въ Россіи общій національный доходъ составляется главнымъ образомъ изъ доходовъ мелкихъ земледѣльцевъ, мелкихъ кустарей и ремесленниковъ, т. е. составляется изъ множества маленькихъ доходовъ. А такъ какъ къ подоходному обложенію привлекаются болѣе крупные доходы, и освобождаются мелкіе, то въ Россіи подоходный налогъ упадаетъ на значительно меньшую часть всего національнаго дохода, чѣмъ въ Англіи, Пруссіи и другихъ Западно-Европейскихъ государствахъ.

Что-же все это означаетъ? Нужно-ли все сказанное понимать такимъ образомъ, что Россія ограничится тѣми сборами, которые можно получить съ зажиточныхъ людей, и вмѣсто 8 милліардовъ руб., которые ей пришлось бы по нашему разсчету расходовать на государственныя нужды послѣ войны, она будетъ тратить одинъ или два милліарда, полученные отъ обложенія капиталистическихъ доходовъ и оставитъ многочисленныя потребности русскаго народа неудовлетворенными? Или придется примириться съ тѣмъ, что большую часть предстоящихъ нашему государству расходовъ нужно будетъ покрывать сборами съ мелкихъ земледѣльцевъ, мелкихъ ремесленниковъ, сборами съ рабочихъ на фабрикахъ и заводахъ, словомъ съ лицъ, получающихъ не высокіе доходы?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ ясенъ. Россія не можетъ

отказаться ни отъ тѣхъ обязательствъ, которыя она приняла на себя для покрытія расходовъ великой войны, ни отъ содержанія искалѣченныхъ на войнѣ солдатъ, ни отъ возстановленія раззоренныхъ врагами нашихъ губерній. Не можетъ она отказаться и отъ расширенія и усовершенствованія постановки у насъ народнаго образованія, народной медицины, улучшенія нашихъ дорогъ, благоустройства селъ и городовъ и т. д. А не отказываясь отъ всего этого, ей придется тратить ежегодно 8 милліардовъ рублей и болѣе; и не имѣя возможности собрать эту сумму обложеніемъ капиталистическихъ доходовъ—нужно будетъ взыскивать значительную часть требуемой суммы съ мелкихъ производителей, съ рабочаго народа. Трудящемуся населенію и преимущественно крестьянамъ придется нести на себѣ не только значительную долю государственныхъ расходовъ; оно будетъ покрывать и большую часть расходовъ мѣстнаго самоуправленія—земства и волости,—потому что съ упраздненіемъ крупнаго землевладѣнія, въ уѣздахъ останется очень мало капитальныхъ лицъ, и все почти производство, а значитъ и доходъ (заработки) будутъ находиться въ рукахъ мелкихъ земледѣльцевъ и кустарей *).

*) Мы должны обратить здѣсь вниманіе на то обстоятельство, что не всѣ свои доходы государство получаетъ обложеніемъ населенія; часть этихъ доходовъ оно имѣетъ отъ государственныхъ хозяйственныхъ предпріятій. Такъ всюду въ рукахъ государства находится почта и лѣса, во многихъ государствахъ, и въ Россіи въ томъ числѣ, казнѣ принадлежатъ всѣ или большая часть желѣзныхъ дорогъ; прошло болѣе двадцати лѣтъ, какъ наше правительство взяло на себя торговлю спиртомъ и водкой. И весь доходъ отъ всѣхъ этихъ предпріятій поступаетъ на покрытіе государственныхъ расходовъ. Нужно ожидать, что послѣ войны правительство возьметъ въ свои руки, т, е. создастъ монополію на торговлю, а можетъ быть и производство нѣкоторыхъ другихъ продуктовъ. Быть можетъ на долго останется въ рукахъ правительства монополія на торговлю хлѣбомъ, которая вводится теперь на время войны не для пополненія казны, а для обезпеченія продовольствія для всего населенія. Насколько все это осуществится, настолько въ руки казны будутъ поступать тѣ барыши, которые кладутъ себѣ въ карманы торговцы.

И такъ, крестьяне должны приготовиться къ тому, что очень большую часть государственныхъ и мѣстныхъ расходовъ придется покрывать изъ ихъ доходовъ. А такъ какъ главнымъ промысломъ крестьянъ является земледѣліе, то полученіе отъ земли возможно большаго количества продуктовъ составляетъ задачу, выполненіе которой не только требуется настоятельными нуждами страны, но и крайне необходимо для благополучія главнаго плательщика налоговъ—крестьянина-земледѣльца.

VIII.

Повторимъ въ немногихъ словахъ то, что говорилось на ближайшихъ страницахъ и посмотримъ, что изъ сего вытекаетъ.

Земля дана природой всему человѣческому роду и въ нашей странѣ она принадлежитъ поэтому всему рус-

---

Нельзя, однако, отъ всѣхъ этихъ предпріятій ожидать большой для казны торговой прибыли; и нельзя ожидать этого потому, что правительство не станетъ примѣнять пріемовъ торговцевъ, старающихся напримѣръ купить у крестьянина зерно по возможности низкой цѣнѣ и прибѣгающихъ къ другимъ подчасъ неблаговиднымъ уловкамъ для возвышенія своего барыша. Но если правительство будетъ честно разсчитываться со своими поставщиками хлѣба, сахара, табаку, не станетъ фальсифицировать продаваемый товаръ, какъ часто это дѣлаютъ недобросовѣстные торговцы, то нельзя ожидать, чтобы продавая сахаръ, табакъ, хлѣбъ оно назначало низкія на нихъ цѣны, которыя дадутъ ему только обычную торговую прибыль. Государственные расходы растутъ изъ года въ годъ и не имѣя другихъ рессурсовъ, правительство не воздержится отъ того, чтобы назначить такую цѣну продаваемаго имъ предмета, которая дала бы ему больше, чѣмъ обычная торговая прибыль, которою удовольствовался бы частный торговецъ.

Такъ обстоитъ дѣло съ винной монополіей, при которой цѣна продаваемаго казною вина значительно превышаетъ ту цѣну, какую установилъ бы на него частный торговецъ. И въ такихъ случаяхъ въ продажной цѣнѣ товара заключается не только торговая прибыль, но и налогъ, подобный акцизу. А если въ хозяйственныхъ доходахъ правительства, кромѣ коммерческой прибыли заключается и налогъ на покупателя даннаго товара, то крестьяне, какъ наиболѣе многочисленный классъ населенія Россіи будетъ нести и большую часть этого налога.

скому народу и должна служить для всего народа. А нуждами русскаго народа, русскаго государства предъявляется въ настоящее время къ землѣ очень высокія требованія. Земля должна давать Россіи возможно больше продовольствія и различныхъ матеріаловъ; и это должно доставляться современному поколѣнію безъ ущерба для нашихъ дѣтей и внуковъ, безъ истощенія производительныхъ силъ почвы. Продовольствіе и матеріалы нужны не только для употребленія ихъ внутри Россіи, но и для расплаты съ иностранцами за получаемые отъ нихъ продукты ихъ высокоразвитыхъ фабрикъ и заводовъ. Возможно большая производительность сельскаго хозяйства требуется еще потому, что доходами отъ земли будетъ покрываться большая часть тѣхъ огромныхъ расходовъ, которые вызываются потребностями благоустройства нашей неустроенной родины и обязательствами, упавшими на русскій народъ вслѣдствіе его участія въ міровой войнѣ.

Русскій народъ не можетъ, поэтому, безучастно относиться къ тому, какъ хозяйничаютъ на его землѣ и сколько получается отъ нея продуктовъ. Примѣръ свободнаго лѣсного хозяйства въ старой Россіи, приведшаго къ оголенію половины страны, этотъ примѣръ показалъ, какъ опасно предоставлять все дѣло частнымъ хозяевамъ. Новое народное правительство не допуститъ дальнѣйшаго обезлѣсенія страны и позаботится о томъ, чтобы лѣса давали возможно больше дохода. Сдѣлать это не трудно, потому, что правильное хозяйство уже ведется въ казенныхъ лѣсахъ, а улучшить его можно, пользуясь опытомъ лѣсного хозяйства у болѣе образованныхъ западно-европейскихъ народовъ. Учредительному Собранію останется только передать всѣ лѣса въ завѣдываніе правительства, и оно заведетъ для всѣхъ лѣсовъ правильное хозяйство, правильную рубку и будетъ разводить лѣса тамъ, гдѣ это нужно для связыванія песчаной почвы, для защиты отъ песочныхъ заносовъ и т. п.

Не мало вреда принесло Россіи и неумѣлое хозяй-

ничаніе крестьянъ южной и восточной Россіи. Привыкнувъ къ тому, что первоначально плодородныя черноземныя почвы этихъ мѣстностей приносили хорошіе сборы зерна, крестьяне продолжали истощающую культуру и послѣ того, когда земля стала давать меньше и меньше зерна. Вмѣсто того, чтобы ввести паровое поле они сѣяли хлѣбъ по хлѣбу, заваливали навозомъ овраги и рѣки вмѣсто того, чтобы удобрять имъ свои поля и довели матушку-землю до того, что она сама стала заботиться о возстановленіи своихъ производительныхъ силъ. Она забастовывала на годъ—на два, давала въ это время очень скудные сборы хлѣба, немного отдыхала, а потомъ принималась опять работать для своего неразумнаго сына. Такъ у насъ и завелось на Руси, что два-три года хорошихъ урожаевъ смѣняются годомъ-двумя неурожаевъ; и ученые иногда даже предсказываютъ, когда нужно ожидать скудныхъ сборовъ зерна.

Таковы результаты свободнаго хозяйствованія неразумныхъ людей; результаты, пагубные не только для самихъ хозяевъ, но и для всего русскаго народа, потому что всѣмъ приходится при неурожаяхъ дорого платить за хлѣбъ, а государство не только не дополучаетъ съ неурожайныхъ мѣстностей налоговъ, но еще расходуетъ десятки и сотни милліоновъ рублей на прокормленіе голодающаго населенія.

Такое обращеніе съ землею особенно вредно въ настоящее время, когда русскому народу предстоятъ тѣ громадные расходы, о которыхъ мы говорили. Теперь особенно необходимо вести на землѣ вполнѣ разумное хозяйство. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ трудно достичь того, чтобы разумное хозяйство введено было многими милліонами мелкихъ, бѣдныхъ и несвѣдущихъ земледѣльцевъ!

Крестьянинъ, работающій на землѣ, долженъ все это понимать. Онъ не долженъ забывать, что земля—не его, а божья; что она составляетъ безплатный даръ природы не ему — земледѣльцу, а всѣмъ людямъ; что русская земля принадлежитъ поэтому всему русскому народу; и

что распредѣляя свою землю между множествомъ крестьянъ-хозяевъ, русскій народъ можетъ потребовать, чтобы эти хозяева не болтали ее, не ковыряли кое какъ, а получали съ нея возможно больше продуктовъ и не истощали ее. Крестьянинъ долженъ понять, что земля дана ему не только для обезпеченія его быта, но и для обезпеченія всего народа; долженъ понимать, что трудится онъ на ней не только для себя, но и для всей страны; онъ долженъ считать, что находится какъ-бы на службѣ всему народу, всему обществу, подобно тому, какъ находится на общественной службѣ сельскій староста, волостной старшина, членъ земской управы, правительственный чиновникъ. Всѣ эти чины поставлены для добросовѣстнаго выполненія порученнаго имъ дѣла, а за работу получаютъ жалованье. Добросовѣстный чиновникъ такъ и понимаетъ свое положеніе: онъ служитъ за деньги, но служитъ не себѣ, а обществу и ведетъ себя такъ, какъ это полезно для общества.

Такъ-же долженъ смотрѣть на себя разумный и добросовѣстный сельскій хозяинъ. Работая на землѣ онъ служитъ всему обществу, всему народу, а доходъ его отъ земли—это его жалованье за службу, какъ встарину получали землю вмѣсто денежнаго жалованія царскіе чиновники. Служба же сельскаго хозяина заключается въ доставленіи всему народу самаго важнаго, самаго необходимаго, безъ чего невозможна самая жизнь — доставленіи пропитанія. Больше выращивать разныхъ продуктовъ, не истощая при этомъ земли, и будетъ добросовѣстнымъ выполненіемъ хозяиномъ его обязанностей передъ народомъ. И народъ можетъ требовать, чтобы эта обязанность выполнялась имъ какъ слѣдуетъ, можетъ принимать и мѣры къ тому, чтобы земля давала возможно больше разныхъ растеній.

Полная свобода сельскаго хозяина можетъ оказаться вредной для общества и въ другомъ отношеніи. Сельскій хозяинъ добываетъ продовольствіе, безъ котораго человѣкъ не можетъ просуществовать и недѣли; и чтобы получить его голодный человѣкъ готовъ на все: въ ста-

рину голодные люди продавали даже своихъ дѣтей; да не только въ старину—это случается и теперь въ годы неурожая. Въ неурожайные годы или при другихъ бѣдствіяхъ земледѣлецъ поэтому получаетъ возможность настолько повышать цѣны на хлѣба, что бѣдному человѣку онъ становится почти недоступенъ. Еще хуже то положеніе, какое наблюдается у насъ теперь, во время міровой войны.

У крестьянъ хранится теперь не мало зерна, но продавать его имъ лично нѣтъ разсчета: денегъ у нихъ и безъ того достаточно; пріобрѣсти-же на деньги разные предметы нельзя. Предметы эти производятся теперь въ крайне ограниченномъ количествѣ, потому что двадцать милліоновъ рабочихъ мужчинъ мобилизовано для войны, а не мобилизованные работаютъ главнымъ образомъ военное снаряженіе и снабженіе. Не нуждаясь въ деньгахъ и опасаясь неурожая, крестьянинъ не пускаетъ зерна въ продажу, и весь некрестьянскій русскій народъ, въ томъ числѣ и воины въ окопахъ, обрекаются имъ на полуголодовку.

Такимъ своимъ поведеніемъ крестьянинъ ясно даетъ знать, что работу на землѣ онъ не считаетъ общественной службой; что находящійся у него участокъ земли онъ считаетъ даннымъ именно ему, Карпу или Ивану, даннымъ только для его собственнаго благополучія; онъ считаетъ, что другіе наслѣдники божьяго дара, ради его—Карпова или Иванова благополучія могутъ и поголодать; и что единственно отъ доброй воли его, Карпа или Ивана, зависитъ — продлить-ли ихъ голодовку или дать имъ достаточно хлѣба.

Но тотъ же крестьянинъ, забывшій теперь что земля—божья, забывшій, что не для него только она создана, а для всѣхъ людей, крестьянинъ, держащій народъ въ полуголодномъ состояніи, быть можетъ въ то же время распинается за то, что земля сосѣдняго помѣщика принадлежитъ владѣльцу не по божьему праву, что она дана не ему одному, а всѣмъ людямъ, что она должна перейти къ крестьянамъ, а въ числѣ ихъ и къ нему, который

держитъ въ закромахъ плоды божьей земли, столь необходимые теперь для городовъ, для крестьянъ малоплодородныхъ губерній и для войска. Когда коснулись помѣщичьей земли — такой Карпъ или Иванъ призналъ, что земля—божья, а когда дѣло касается добытого имъ зерна—онъ забываетъ это, забываетъ, что земля предназначена для всего народа и плоды ея — тоже для всего народа.

Все это показываетъ, какъ еще мало сознателенъ нашъ крестьянинъ и какъ сильно преобладаютъ въ немъ своекорыстныя чувства; какъ мало въ немъ привязанности къ истинѣ и справедливости, когда истина и справедливость идутъ противъ его интересовъ. Между тѣмъ мирно совершить великое дѣло, предстоящее русскому народу послѣ сверженія царской власти, дѣло благоустройства необъятной матушки Россіи, дѣло умиротворенія взволнованнаго 170-милліоннаго населенія, — это дѣло нельзя благополучно завершить не прислушиваясь къ голосу истины и справедливости.

IX.

Итакъ, въ настоящее время нужно особенно заботиться о томъ, чтобы наша земля давала намъ возможно большее количество продуктовъ. Заботиться объ этомъ должны сами хозяева, заботиться должны правительство и мѣстныя самоуправленія.

Мѣры поднятія производительности крестьянскаго хозяйства заключались до сихъ поръ въ томъ, что правительство и земство разъясняли крестьянамъ необходимость тѣхъ или иныхъ нововведеній, устраивали показательныя поля, на которыхъ крестьяне видѣли бы плоды лучшихъ пріемовъ хозяйства; давали крестьянамъ агрономовъ для руководства, открывали склады усовершенствованныхъ орудій и улучшенныхъ сѣмянъ и отпускали тѣ и другія въ кредитъ. Благодаря этимъ мѣрамъ многіе крестьяне кое что сдѣлали для улучшенія своего хозяйства. Плуги вмѣсто сохи получили теперь

всеобщее распространеніе; носилки и молотилки теперь уже далеко не рѣдкость; маловыгодные сорта сѣмянъ мѣстами замѣнены лучшими, введены въ посѣвъ нѣкоторыя новыя растенія; въ очень многихъ мѣстахъ пашутъ яровое поле съ осени; тамъ, гдѣ прежде навозъ валили въ овраги, теперь его вывозятъ на поля, а многіе крестьяне покупаютъ и минеральное удобреніе; крестьяне сѣютъ кормовыя травы и разное другое.

Но всѣ эти нововведенія имѣютъ частичный характеръ, и развѣ только о введеніи травы въ полевой сѣвооборотъ можно сказать, что онъ улучшитъ общій строй крестьянскаго хозяйства, такъ какъ этимъ посѣвомъ нарушается излюбленное русскимъ крестьяниномъ трехполье, расширяется посѣвная площадь пахотной земли на счетъ безплоднаго пара, значительно увеличивается сборъ сѣна, и крестьянинъ получаетъ возможность держать больше скота, лучше удобрять землю и завести молочное хозяйство. Но введеніе въ полевой сѣвооборотъ кормовыхъ травъ и всякое другое преобразованіе трехпольнаго сѣвооборота въ многополье не только не составляетъ широкаго распространенія, но и не всѣмъ доступно. Такое преобразованіе очень затруднительно на небольшихъ участкахъ, а вѣдь небольшихъ семейныхъ участковъ у насъ очень много, и обращеніе помѣщичьей земли въ общенародное достояніе ненадолго уменьшитъ ихъ число, потому что достаточный, напр., отцовскій участокъ, раздѣлившись между двумя-тремя выросшими сыновьями, обращается для каждаго изъ нихъ въ недостаточный.

Но и въ тѣхъ предѣлахъ, въ какихъ мелкіе земледѣльцы могли бы улучшить свое хозяйство, — оно будетъ улучшено не всѣми и не въ одинаковой степени, потому что всякій будетъ дѣйствовать сообразно своему разуму и пониманію. Умные, опытные и энергичные крестьяне пойдутъ въ этомъ отношеніи впередъ другихъ; неразумные, малоспособные и нерѣшительные — будутъ плестись въ хвостѣ. А сельское хозяйство въ Россіи въ цѣломъ будетъ давать гораздо меньше, бу-

детъ приносить меньше дохода и продуктами, и на деньги, чѣмъ могло бы приносить, находясь въ рукахъ хорошихъ хозяевъ.

Недостатки русскаго мелкаго хозяйства, зависящія отъ того, что у него слишкомъ много распорядителей и каждый изъ нихъ дѣйствуетъ по-своему,—эти недостатки были бы устранены, если бы многія мелкія хозяйства были соединены въ одно крупное общественное хозяйство. При такомъ соединеніи — во главѣ хозяйства, обнимающаго сотни десятинъ, можетъ быть поставлено одно лицо вмѣсто 20 или 30-ти бывшихъ здѣсь мелкихъ домохозяевъ, лицо опытное и хорошо знакомое съ агрономической наукой, и организація хозяйства совершалась бы по указанію этого лица. Уже по этой причинѣ крупное общественное хозяйство было бы совершеннѣе (и доходнѣе) или, какъ говорятъ, продуктивнѣе (давало бы больше дохода и продуктами, и по оцѣнкѣ на деньги) большей части или даже всѣхъ тѣхъ мелкихъ хозяйствъ въ совокупности, которыхъ оно замѣнило.

Но крупное хозяйство имѣетъ и другія преимущества; оно можетъ ввести у себя все то, что доступно мелкому хозяйству и, кромѣ того, много такого, что доступно далеко не всѣмъ крестьянамъ. Крестьянину, засѣвающему три-четыре десятины, не разсчетъ заводить хорошую крупную лошадь, требующую лучшаго содержанія и много корма, а его обычной лошаденкѣ не подъ силу тяжелый плугъ, и онъ не можетъ глубоко вспахивать свою ниву. Но все это вполнѣ возможно въ крупномъ хозяйствѣ, и такое хозяйство будетъ имѣть поэтому лучшія пахотныя орудія и лучше подготовить землю подъ посѣвъ.

Въ крупномъ хозяйствѣ легко замѣнить трехпольный сѣвооборотъ не только четырехпольемъ или шестипольемъ, но и двѣнадцатипольемъ, и въ такомъ случаѣ подъ паромъ будетъ пропадать всего одна двѣнадцатая ($^1/_{12}$) часть пахотнаго поля, а одиннадцать

двѣнадцатыхъ (11/12) будутъ подъ посѣвомъ. При многополье можно ввести въ сѣвооборотъ много различныхъ растеній, а это очень выгодно во многихъ отношеніяхъ.

Одни растенія извлекаютъ изъ земли преимущественно однѣ частицы почвы, а другія растенія извлекаютъ другія частицы. Чередуя посѣвъ ихъ на одномъ и томъ-же участкѣ полевой земли, мы не требуемъ поэтому отъ земли изъ года въ годъ однѣхъ и тѣхъ же составныхъ частей почвы и даемъ участку возможность накапливать то тѣ, то другія части, которыми питаются растенія.

Различныя растенія высѣиваются и поспѣваютъ въ разное время. Полевыя работы и при посѣвѣ, и при уборкѣ не скопляются поэтому на одинъ краткій періодъ, а растягиваются на болѣе продолжительное время; и одинъ человѣкъ можетъ управиться поэтому съ большей площадью посѣва, чѣмъ въ томъ случаѣ, когда ему пришлось-бы сѣять и убирать два-три однородныхъ растенія, высѣваемыхъ, напр., въ началѣ весны и поспѣвающихъ въ разгаръ лѣтняго времени.

Растенія, высѣваемыя и поспѣвающія въ разное время, не подвергаются такой опасности погибнуть отъ бездожія, обилія дождей, позднихъ весеннихъ морозовъ, сильныхъ вѣтровъ и т. п., какая грозитъ хлѣбамъ, высѣваемымъ и поспѣвающимъ одновременно. — Полная напр., засуха или дожди въ теченіе всего лѣта губятъ, конечно, всѣ растенія. Но обыкновенно засуха, вѣтры, изобиліе влаги и т. п. бываютъ въ теченіе ограниченнаго времени — двухъ-трехъ недѣль, напр., и вредно отзываются на тѣхъ растеніяхъ, которыя около этого времени сѣются или наливаются зерномъ; другія-же растенія, высѣваемыя или наливающіяся раньше или позже, не подвергаются такому риску. Поэтому, при обиліи числа высѣваемыхъ растеній, полный неурожай встрѣчается очень рѣдко.

Разнообразіе высѣваемыхъ растеній даетъ хозяйству не только зерно, но и кормовую траву, корнеплоды;

при крупномъ хозяйствѣ можно поэтому устроить заводы крахмальные, винокуренные, маслобойные, сахароварные. При этомъ, кромѣ цѣнныхъ самыхъ по себѣ продуктовъ—сахара, крахмала, спирта—получается барда и сѣмянные вижимки; этими отбросами винокуреннаго и маслобойнаго производствъ можно откармливать много скота на убой и для молочнаго хозяйства, а обиліе скота даетъ обильное удобреніе, повышающее урожаи. Крахмальное, винокуренное и сахароваренное производства представляютъ, кромѣ того, большую выгоду для окрестнаго земледѣльческаго населенія, потому что они даютъ ему заработокъ въ то время, когда оно закончило полевыя работы и не знаетъ, къ чему приложить свои руки. Это относится въ особенности къ черноземнымъ губерніямъ, гдѣ крестьяне отдаются, главнымъ образомъ, сельскому хозяйству и мало распространены среди нихъ подсобные къ земледѣлію промыслы.

Мы не станемъ перечислять всѣхъ преимуществъ крупнаго хозяйства и напомнимъ только, что если взять, напримѣръ, тридцать самостоятельныхъ мелкихъ хозяйствъ и одно крупное, занимающее такую-же площадь, какъ всѣ мелкія хозяйства вмѣстѣ, и высѣвающее тѣ же хлѣба и тѣми же пріемами, какъ хозяйства мелкія, и сравнить какъ и чѣмъ работаютъ крупное и тридцать мелкихъ хозяйствъ, то окажется, что тридцать хозяйствъ содержатъ всѣ вмѣстѣ больше рабочихъ лошадей и земледѣльческихъ орудій и затрачиваютъ на обработку полей больше рабочей силы и больше расходуютъ на хозяйственныя постройки, чѣмъ одно хозяйство крупное. Въ крупномъ сельскомъ хозяйствѣ, значитъ, возможна такая же экономія въ расходахъ, какая наблюдается въ томъ случаѣ, когда тридцать, напримѣръ, человѣкъ кормятся изъ одного котла или живутъ въ одномъ домѣ вмѣсто того, чтобы строить тридцать отдѣльныхъ жилищъ и готовить тридцать отдѣльныхъ обѣдовъ. А если въ концѣ сельско-хозяйственнаго сезона будутъ подсчитаны

доходы и расходы всѣхъ мелкихъ и одного крупнаго хозяйства, то окажется, что крупное хозяйство дало больше продуктовъ и очистило большій чистый доходъ, чѣмъ тридцать мелкихъ, и каждому работающему въ крупномъ хозяйствѣ достанется больше денегъ, чѣмъ получитъ мелкій хозяинъ съ своего участка.

Читатель видитъ, что мелкіе земледѣльцы получили бы большій доходъ если-бы соединили свои поля и завели одно большое хозяйство; они получили бы большій доходъ даже въ томъ случаѣ, если-бы въ этомъ крупномъ хозяйствѣ примѣнялись тѣ же пріемы, что и въ мелкихъ. Кольми паче доходъ крупнаго хозяйства былъ бы выше дохода всѣхъ мелкихъ въ совокупности, если-бы это хозяйство было организовано по всѣмъ правиламъ агрономическаго искусства. Крестьяне получили-бы въ этомъ случаѣ въ два, можетъ быть, въ три раза больше, чѣмъ получаютъ они нынѣ, примѣняя старые хозяйственные пріемы.

Несмотря, однако, на очевидныя преимущества крупнаго усовершенствованнаго хозяйства надъ хозяйствами мелкими,—наши крестьяне не согласились-бы соединить свои участки для организаціи общественнаго производства; и не согласились-бы потому, что общественное производство имъ неизвѣстно и что они не привыкли вести хозяйственныя дѣла сообща. Чтобы побудить ихъ къ соединенію своихъ участковъ воедино и къ образованію на ихъ мѣсто крупнаго общественнаго производства, нужно показать имъ на практикѣ выгоды хорошо устроеннаго общественнаго хозяйства; нужно, чтобы они не только видѣли такія хозяйства, но чтобы сами работали въ этихъ хозяйствахъ, какъ наемные люди, и чтобы при этомъ имъ разъяснялось, почему въ этомъ хозяйствѣ употребляется такой плугъ, а не другой, почему земля удобряется такъ, а не иначе; почему высѣваютъ такія-то и такія-то растенія, почему примѣняется такой, а не другой сѣвооборотъ. Нужно, чтобы имъ было разъяснено, какая экономія въ рабочей силѣ до-

стигнута въ крупномъ хозяйствѣ, какая экономія достигнута въ расходахъ на инвентарь сравнительно съ хозяйствомъ крестьянскимъ, а если расходы по этимъ статьямъ возросли, то какое получилось отъ того увеличеніе дохода, и насколько доходъ общественнаго крупнаго хозяйства выше дохода мелкаго крестьянскаго—будете-ли вы его разсчитывать на десятину земли или на одного рабочаго.

Устроить такія общественныя крупныя хозяйства, которыя служили-бы образцами и школою для мелкихъ земледѣльцевъ, можно послѣ того, какъ всѣ помѣщьи земли будутъ обращены въ общенародное достояніе.

Помѣщичьи земли могутъ быть подраздѣлены на три отдѣла. Одни имѣнія цѣликомъ или частью сдавались подесятинно мелкимъ земледѣльцамъ. Другія имѣнія или ихъ части обрабатывались за счетъ владѣльца, но не его орудіями и лошадьми, а скотомъ и инвентаремъ окрестныхъ крестьянъ, бравшихъ на себя исполненіе всѣхъ работъ на нѣсколькихъ десятинахъ. Въ третьихъ имѣніяхъ устроено совершенно самостоятельное, и зачастую хорошо поставленное, крупное хозяйство и всѣ его работы выполняются скотомъ и инвентаремъ владѣльца.

Первая и вторая категоріи помѣщичьихъ имѣній могутъ быть смѣло предназначены для раздѣла между мелкими земледѣльцами. Это будетъ на пользу не только тѣмъ крестьянамъ, которые получатъ дополнительные участки земли, но и всему народу, потому что крестьяне перешедшую въ ихъ постоянное пользованіе помѣщичью землю будутъ лучше обрабатывать, чѣмъ обрабатывали ее, когда снимали подесятинно на годъ—другой или когда подряжались обработать ее за деньги. А при лучшей обработкѣ перешедшая къ нимъ земля будетъ давать больше продуктовъ; больше смогутъ потреблять этихъ продуктовъ жители Россіи; больше можно вывести ихъ за границу въ обмѣнъ на иностранныя издѣлія; больше можно уѣлить изъ земледѣльче-

скихъ доходовъ на нужды государства и мѣстнаго управленія.

Уже нельзя этого сказать о третьей категоріи помѣщичьихъ имѣній, о тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ устроены самостоятельныя и очень доходныя хозяйства. Разрушить такое хозяйство, разбить такое имѣніе на тридцать—сорокъ небольшихъ участковъ для передачи ихъ отдѣльнымъ крестьянамъ—безземельнымъ и малоземельнымъ—значитъ показать, что народъ, отобравшій помѣщичьи земли, не только не цѣнитъ того хорошаго, что сдѣлано прежними ихъ владѣльцами, не цѣнитъ затраченнаго труда, знаній и таланта; разрушить такія хозяйства значитъ посягнуть на общенародное нынѣ достояніе, ибо польза отъ земли заключается не въ чемъ иномъ, какъ въ продуктахъ, которые можно отъ нея получить; а отъ благоустроеннаго крупного хозяйства страна получитъ гораздо больше продуктовъ, чѣмъ отъ тридцати мелкихъ, изъ него составленныхъ, и раздѣлъ такого имѣнія на мелкіе участки уменьшитъ, быть можетъ, наполовину доходъ отъ земли и натурой, и деньгами.

Такія хозяйства нужно не уничтожать, а передавать въ общественное завѣдываніе, причемъ на службу обществу можетъ поступить весь служебный персоналъ имѣнія, если онъ того заслуживаетъ—отъ агронома до простого рабочаго.

На передачу въ общественное завѣдываніе такихъ благоустроенныхъ помѣщичьихъ хозяйствъ и нужно смотрѣть, какъ на первый подготовительный шагъ къ распространенію общественнаго хозяйства на крестьянскія земли. Если рабочими въ общественномъ хозяйствѣ—на ряду съ пришлыми—будутъ и мѣстные крестьяне, если завѣдывающіе общественнымъ хозяйствомъ будутъ объяснять рабочимъ, почему дѣлается то-то, а не другое, какая въ общественномъ хозяйствѣ сдѣлана экономія въ рабочей силѣ и въ расходахъ на инвентарь и какіе получались доходы; если имъ будетъ разъясняться и то, какое крупное хозяйство можно было-бы

организовать при соединеніи воедино земли окрестныхъ крестьянъ; какая бы при этомъ произошла экономія въ рабочей силѣ, въ рабочемъ скотѣ, въ земледѣльческихъ орудіяхъ, на—сколько повысился бы урожай и насколько увеличился бы доходъ каждаго хозяина, вошедшаго въ организацію если бы все это разъяснялось изо-дня въ день при всякой роботѣ по имѣнію, то рано или поздно недовѣріе крестьянъ къ общественному веденію хозяйства исчезло-бы и постепенно распространилось бы крупное кооперативное производство.

X.

Въ началѣ книжки мы говорили, что къ землѣ люди относятся двояко. Для богатаго человѣка земля есть капиталъ, дающій возможность жить не трудясь. Для труженика-крестьянина земля есть средство производства, поле для приложенія труда. Богатый человѣкъ поэтому пріобрѣтаетъ землю, для того, чтобы работали на ней другіе, а доходы получалъ онъ. Крестьянинъ стремится къ землѣ ради другихъ цѣлей. Онъ желаетъ имѣть ее для того, чтобы работа его на землѣ не зависѣла отъ того—удастся-ли ему снять 3—4 десятины пахоты у сосѣда—землевладѣльца, т. е. чтобы работа на ней была обезпечена ему и его дѣтямъ. И онъ желаетъ въ потѣ лица добывать хлѣбъ для своей семьи, а не поливать землю потомъ для того, чтобы кормить другихъ—не сѣющихъ, не жнущихъ и ничѣмъ другимъ не вознаграждающихъ труженика-земледѣльца.

Земля значитъ нужна крестьянину для работы на ней—работы, обезпеченной и работы на себя, а не на того, кто ничего не дѣлаетъ. Но изъ этого не слѣдуетъ, что каждому крестьянину нужно имѣть участокъ земли въ личномъ его распоряженіи. Правда, что работа на своемъ участкѣ избавляетъ земледѣльца отъ обязанности дѣлиться плодами своихъ трудовъ съ праздными людьми. Но та же цѣль будетъ достигнута и въ случаѣ,

если крестьянинъ участвуетъ въ работѣ въ общественномъ хозяйствѣ, которое вѣдь не имѣетъ въ виду обогащеніе постороннихъ частныхъ лицъ, а заведено исключительно для общей пользы. Крестьянинъ будетъ работать въ такомъ хозяйствѣ, получая вознагражденіе за трудъ и участвуя, кромѣ того, въ чистой прибыли. И если общественное хозяйство хорошо устроено, то доходъ крестьянина, здѣсь работающаго, будетъ значительно выше того, что-бы онъ получилъ, обрабатывая съ своей семьей отдѣльный участокъ, ему отведенный.

На это могутъ замѣтить: правда, что участіе крестьянина въ хорошо устроенномъ общественномъ хозяйствѣ вознаградитъ его трудъ не хуже, а вѣроятно лучше, чѣмъ работа на своемъ участкѣ; но обезпечитъ ли ему это участіе постоянство работы для него самого и для его наслѣдниковъ; и не случится-ли, что послѣ нѣсколькихъ лѣтъ его участія въ общественномъ хозяйствѣ, онъ будетъ замѣщенъ другимъ лицомъ?

На это можно отвѣтить, что работа крестьянина въ общественномъ хозяйствѣ не была бы обезпечена въ томъ случаѣ, если бы это хозяйство было устроено исключительно для общественнаго дохода. Въ такомъ случаѣ распорядители хозяйства нанимали бы рабочихъ, какъ нанимаютъ ихъ частные владѣльцы: сегодня однихъ, завтра, можетъ быть, другихъ. Если же крупное общественное хозяйство замѣняетъ раздѣлъ земли мелкими участками между крестьянскими семьями, то участіе въ немъ, въ качествѣ рабочихъ, этихъ семей будетъ организовано такимъ образомъ, что право на работу въ немъ каждой семьи сохранится за ней до тѣхъ поръ, пока она сама отъ него не откажется. И это можетъ быть устроено примѣрно такъ.

Число рабочихъ, требующихся для даннаго общественнаго хозяйства извѣстно точно и сообразно этому числу къ хозяйству можно приписать для работы опредѣленное число крестьянскихъ семей. Запись эта сохранится на все время, пока существуетъ хозяйство; а если обще-

ственное хозяйство будетъ уничтожено, то приписанныя съ нему семьи получатъ изъ подъ него участокъ земли въ постоянное пользованіе.

Въ крупномъ общественномъ хозяйствѣ найдется работа и для совершенно безземельнаго, и для такого крестьянина, который засѣваетъ на своемъ участкѣ напримѣръ 2—3 десятины. Первый домохозяинъ конечно больше нуждается въ сторонней работѣ, чѣмъ второй; общественное хозяйство приметъ это во вниманіе и безземельному крестьянину доставитъ больше работы, чѣмъ малоземельному. Мы не станемъ гадать о томъ, какъ будетъ учитываться въ общественномъ хозяйствѣ работа привлеченныхъ къ ней крестьянъ: по числу-ли обработанныхъ, скошенныхъ и сжатыхъ каждымъ изъ нихъ десятинъ или по числу отработанныхъ недѣль и мѣсяцевъ. Но какая-бы система учета не была принята—совсѣмъ безземельный крестьянинъ будетъ записанъ на большее число единицъ работы (десятинъ или мѣсяцевъ), нежели тотъ, кто имѣетъ собственное хозяйство.

Этотъ послѣдній домохозяинъ—тотъ, кто засѣваетъ на своемъ участкѣ двѣ-три десятины,—работая въ общественномъ хозяйствѣ можетъ быть освобожденъ отъ необходимости содержать для своего маленькаго посѣва лошадь и плугъ: его 2—3 десятины могутъ быть вспаханы живымъ и мертвымъ инвентаремъ общественнаго хозяйства.

До сихъ поръ я говорилъ о работѣ въ общественномъ хозяйствѣ полносильныхъ рабочихъ-мужчинъ. Но крупное хозяйство требуетъ работы и женщинъ, и полурабочихъ обоего пола, и къ общественному хозяйству для постоянной работы отъ каждой семьи могутъ быть приписаны рабочіе и той, и другой категоріи. Въ окрестныхъ селеніяхъ всегда имѣются кромѣ того женщины-бобылки, которыя не оставятъ послѣ себя семьи, и сироты-подростки, которые вырастутъ и найдутъ себѣ какое-либо занятіе. Общественное хозяйство можетъ дать работу и такимъ неполносильнымъ, безхозяйственнымъ лицамъ.

Для этого нужно только, чтобы не все число требуемыхъ для хозяйства рабочихъ силъ было распредѣлено между семьями на все будущее время; нѣкоторое число рабочихъ мѣстъ должно быть оставляемо для бобылокъ, сиротъ, одинокихъ стариковъ и всякихъ другихъ временно нуждающихся въ работѣ лицъ.

Мы не можемъ здѣсь много распространяться о томъ, какъ будетъ организовано привлеченіе къ работѣ въ общественномъ хозяйствѣ тѣхъ трудящихся, которые не имѣютъ вовсе или имѣютъ недостаточное количество своей земли. Нашей цѣлью было только возбудить въ умѣ читателей мысль о томъ, что осуществить право трудящагося работать на землѣ, не будучи эксплоатируемымъ частными собственниками, и обезпечить такую работу и ему самому, и его наслѣдникамъ—можно не только тѣмъ путемъ, какимъ полагаетъ достигнуть этого русскій крестьянинъ, т. е. не только путемъ предоставленія земли въ личное распоряженію земледѣльца. Этого можно достигнуть также путемъ участія крестьянина въ общественномъ хозяйствѣ. И этотъ второй способъ осуществленія права трудящагося работать на землѣ имѣетъ то преимущество передъ раздѣломъ земли на мелкіе участки, что при общественномъ хозяйствѣ будетъ получаться большее количество разнообразныхъ земледѣльческихъ продуктовъ; и все русское государство, весь русскій народъ будетъ имѣть больше продовольствія и различныхъ матеріаловъ.

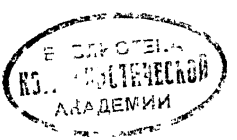
Изъ того, что было говорено выше, слѣдуетъ, что общественное хозяйство осуществитъ однимъ ударомъ два требованія, предъявляемыя къ землѣ, два права на нее:

Право трудящагося работать на землѣ не будучи эксплоатируемымъ частными собственниками.

Право всего народа получать съ божьей земли возможно больше разнообразныхъ земледѣльческихъ продуктовъ.

Такъ будутъ примирены одно съ другимъ: право земледѣльца на землю, какъ поле приложенія труда, и право всего народа на землю, какъ источникъ продовольствія и матеріаловъ для производительной дѣятельности страны.

Примиреніе этихъ двухъ правъ, двухъ требованій, двухъ интересовъ—интересовъ класса земледѣльцевъ и интересовъ всего народа путемъ организаціи общественнаго хозяйства на всемъ пространствѣ необъятной Россіи произойдетъ не скоро. Но можно сейчасъ-же примирить интересы трудящихся и интересы всего народа относительно благоустроенныхъ помѣщичьихъ хозяйствъ и сейчасъ-же передать ихъ въ общественное завѣдываніе.


БИБЛИОТЕКА
СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ
АКАДЕМИИ